

Правительство Москвы
Департамент культуры города Москвы
Московский институт социально-культурных программ

ПОИСК

Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура

Выпуск № 3 (32)

Москва, 2011

УДК 008
ББК 71
П71

Редколлегия журнала:

А. Л. Маршак (главный редактор), **В. В. Сергеев** (заместитель главного редактора), **О. Н. Мамонова** (ответственный секретарь), **О. В. Афанасьева**, **С. В. Бабакаев**, **М. Е. Гуляев**, **В. Н. Ксенофонов**, **В. И. Махонин**, **А. Е. Порватов**

Редакция журнала:

В. Г. Донской (заведующий редакцией), **Л. Г. Королёва** (литературный редактор), **А. И. Фомин**, **Ф. Н. Черепанов**

ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал // М. : НИЦ «Академика», 2011. — Вып. № 3 (32). — 124 с.

Научный и социокультурный журнал «ПОИСК» включён в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей Аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации по решению Президиума ВАК от 19 февраля 2010 года № 6/6 (уточнённая редакция от 22.10.2010).

Журнал рассчитан на работников культуры, искусства, науки, образования, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, а также на всех, кто в той или иной степени участвует в процессах организации, планирования, законотворчества в социально-культурной сфере.

ISSN 2072-6015

© Московский институт социально-культурных программ, 2011
© НИЦ «Академика», 2011

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сопредседатели Совета

- Иванов В. Н.** Член-корреспондент Российской Академии наук, советник РАН, главный редактор журнала «Наука. Культура. Общество», доктор философских наук, профессор
- Сергеев В. К.** Директор Московского института социально-культурных программ, действительный член Российской академии социальных наук, доктор социологических наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации

Члены Совета

- Андреев В. А.** Народный артист СССР художественный руководитель Московского драматического театра имени М. Н. Ермоловой
- Андреев Э. М.** Главный научный сотрудник ИСПИ РАН, профессор кафедры социологии и политологии ИППК МГУ имени М. В. Ломоносова, действительный член Российской академии социальных наук, доктор философских наук
- Вдовиченко Л. Н.** Доктор социологических наук, профессор кафедры политической социологии РГГУ
- Викторов А. Ш.** Доктор социологических наук, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, член Творческого союза художников России
- Дмитриев А. В.** Член-корреспондент Российской Академии наук, доктор философских наук, профессор
- Засурский Я. Н.** Президент факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор
- Капто А. С.** Доктор философских наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам при ИСПИ РАН
- Кузнецов В. Н.** Член-корреспондент Российской Академии наук, профессор, доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии культуры, воспитания и безопасности социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
- Кулашик Петер** Доктор политологии, профессор, декан факультета международных отношений Университета имени Матея Бела, главный редактор журнала «Политика и наука», Баньска-Быстрица, Словакия

-
- Маркович Данило** Академик, действительный член Сербской академии образования, иностранный член Российской академии образования, Белград, Сербия
- Маршак А. Л.** Заведующий кафедрой социологии и гуманитарных дисциплин Российской академии предпринимательства, действительный член Российской академии социальных наук, доктор философских наук, профессор, почётный работник высшей школы Российской Федерации
- Миронов А. В.** Главный редактор журнала «Социально-гуманитарные знания», доктор социологических наук, профессор, почётный работник высшей школы Российской Федерации
- Нарбут Н. П.** Заведующий кафедрой социологии РУДН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор социологических наук, профессор, член Союза писателей России
- Петрусек Милослав** Доктор философии, профессор кафедры социологии факультета социальных наук Карлова университета, почётный проректор и декан факультета социальных наук Карлова университета, вице-президент Чешского социологического общества, иностранный член Российской академии социальных наук, Прага, Чехия
- Попов А. В.** Доктор социологических наук, профессор, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации
- Сосунова И. А.** Проректор Академии МНЭПУ, действительный член Международной академии наук, Академии политической науки, доктор социологических наук, профессор
- Федоряк Н. А.** Кандидат социологических наук, член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации
- Худяков С. И.** Руководитель Департамента культуры города Москвы, кандидат философских наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации
- Чупров В. И.** Доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации
- Швецова Л. И.** Заместитель мэра Москвы в Правительстве Москвы, руководитель Комплекса социальной сферы, кандидат политических наук
- Шкондин М. В.** Заведующий кафедрой периодической печати факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, генеральный директор Научно-методического центра преподавателей и исследователей журналистики, доктор филологических наук, профессор

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ

ПУШКАРЁВА Т. В., ШЕМЯКИНА Е. М.	Память и миф: амбивалентность процессов ремифологизации современного исторического сознания / Memory and myth: ambivalence of remythologisation processes of modern historical consciousness	7
БЕЛЯЕВА Е. Е.	Культура как основание европейской интеграции / Culture as a foundation of European integration	15

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

БЕЛЯЕВ Г. Ю.	Критерии социального воспитания в условиях глобализации / Criteria of social education during globalization	25
КУБЛИЦКАЯ Е. А.	Направленность социальной активности населения мегаполиса / Trend of social activity of the megapolis population	35

КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ

ГУЛИМОВА А. Н.	Культурный герой как организующее начало социального пространства: гендерные характеристики / Cultural hero as the organizing principle of social space: gender descriptions	45
СЕРГЕЕВ В. В.	Русский язык и культура / Russian language and culture	54

РУССКИЙ МИР

ДРАНИЦЫНА М. Н.	Гротеск как форма выражения иронии в романе А. Белого «Петербург» / Grotesque as the form of irony expression in A. Belyj's novel «Petersburg»	63
-----------------	---	----

АСПЕКТЫ

ВОРОБЬЁВА К. С.	Советская социология кино (60-е — начало 80-х годов XX века) / Soviet sociology of cinema (60^s — early 80th in the XXth century)	71
КОРЖАНОВА А. А.	Социально-культурный аспект туризма в «обществе мечты» / «Society of dream»: social-cultural aspect of tourism	78

СЕРГЕЕВА К. В.	Роль культуры в процессе социализации молодёжи / Role of culture in youth socialization process	84
ТАРЧЕНКО В. С.	Работа с молодёжью для профилактики девиантного материнского поведения / Youth educational work as a preventive measure for deviant maternal behavior	93
ТЕР-АКОПЬЯН В. А.	Организационные рамки социального аудита / Organizational frameworks of social audit	100

ИССЛЕДОВАНИЯ МИСКП

ЕРМАКОВИЧ Ю. С.	Управление культурными инновациями в культурно-досуговой сфере московского мегаполиса / Management of culture innovations in culture and leisure field of Moscow megalopolis	105
<i>КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ</i>		115
<i>РЕЦЕНЗИИ</i>		118

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ

*ПУШКАРЁВА Татьяна Витальевна,
кандидат философских наук,
доцент кафедры культурологии и
социокультурной деятельности,
Российский государственный социальный
университет*

ap-bib@yandex.ru

*ШЕМЯКИНА Елена Михайловна,
кандидат философских наук,
доцент кафедры культурологии,
Московский педагогический
государственный университет
*simbaplus@mail.ru**

Память и миф: амбивалентность процессов ремифологизации современного исторического сознания / Memory and myth: ambivalence of remythologisation processes of modern historical consciousness

Аннотация

В статье рассматриваются две модели исторической памяти в обществах современной Европы и показана роль мифа в каждой из них.

Ключевые слова

Историческая память; идентичность; идеология; миф; ремифологизация; историческое сознание; демократия.

Annotation

In this article authors consider two models of historical memory in societies of modern Europe, the role of myth in each model is presented.

Keywords

Historical memory; identity; ideology; myth; remythologisation; democracy; historical consciousness; memory studies.

В XXI веке человечеству приходится расставаться с одной существенной иллюзией: процессы глобализации не отменяют и даже не ослабляют социальные, в первую очередь, этнические и религиозные конфликты. В десятке самых востребованных специалистов (рейтинг составлен журналом «Forbes» на ближайшие десять лет) оказались «универсальный солдат» и «специалист по национальным и религиозным конфликтам».¹ Без освоения результатов научных исследований по проблематике исторической памяти, тесно связанной с проблемами мифа и идеологией, эти специалисты будущего не могут обойтись уже сегодня. Понятия исторической, культурной, социальной памяти, несмотря на нарастающий скепсис относительно эвристического потенциала этого понятия², прочно вошли не только в общественно-политический дискурс современных обществ, но также в научный лексикон гуманитарных дисциплин, что привело с 80-х годов к так называемому *мемори буму* (своеобразной интеллектуальной моде на исследования исторической, культурной, социальной памяти, применение меморального категориального аппарата в социально-гуманитарных исследованиях), а также в связи с этим к переосмыслению понятий мифа и идеологии.

Социальной предпосылкой активизации «memory studies» стали события 90-х годов прошлого века. Тогда на территории постсоветской Восточной Европы образовались новые государства, которым пришлось заново формировать государственную идеологию и в связи с этим «переписывать историю», а также решать проблему куль-

¹ <http://www.pln-pskov.ru/allworld/72967.html>

² Klein K. L. On the emergence of Memory in historical Discourse // Representations. Winter 2000. — № 69 (Special Issue: Grounds for Remembering). — P. 127–150; Olick J. K. Collective Memory: The Two Cultures // Sociological Theory. November 1999. — Vol. 17. — № 3. — P. 333–348; Kansteiner W. Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies // History and Theory. May 2002. — Vol. 41. — № 2. — P. 179–197; Савельева И. М., Полетаев А. В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого / Ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М. : ГУ-ВШЭ, 2005. С. 170–220.

турной, политической идентификации больших национальных групп. Это резко актуализировало *национальное измерение* исторической памяти.

Одновременно с этим шли процессы осмысления и переосмысления уроков Второй мировой войны в странах Западной Европы, становления международных институтов по правам человека и т. д. Логика экономической и политической интеграции Европейского союза требовала и продолжает требовать культурного и идейного оформления новой Европы, что нашло отражение в процессах формирования и конструирования *наднационального* варианта исторической памяти. В результате этих социально-политических и исторических процессов в общественном сознании современной Европы можно заметить формирование и конкуренцию двух моделей исторической памяти — условно говоря, *национальной* и *наднациональной*, в каждой из которых миф и мифологическое сознание играют определённую и совсем не однозначную роль.

Если для национальной модели исторической памяти зачастую характерна апелляция к этнической идентичности — происходит своеобразная *сакрализация нации* как этнического образования, то в наднациональной модели исторической памяти подчёркивается идентичность гражданская, основанная на признании прав человека как сакральной ценности. Если в первой модели господствуют механизмы противопоставления «своей» версии исторической памяти — «чужой» (или игнорирование «чужой» версии), то для второй модели характерны механизмы включения разных версий исторической памяти в одну общую.

Как национальная, так и наднациональная модели исторической памяти могут быть развёрнуты в демократических обществах (в качестве согласованной *гражданской версии прошлого*). Национальная модель характерна для транзитивных обществ, где она реализуется как полезная на данном историческом отрезке мобилизующая, и/или отвлекающая, и/или обосновывающая риторика, и для авторитарных обществ (как жёсткий, насаждаемый политической элитой конструкт).

В первой модели историческая и культурная память выступает как средство формирования национальной идентичности, во второй модели — как способ формирования солидарности постнационалистических политических сообществ и выработки соответствующей идентичности. Историческая память играет одну из главных ролей в

конструировании идентичности современных обществ, что было впервые показано в ныне ставшей классической работе Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества» (1983)¹. Констатируя беспомощность современных ему теорий в объяснении феномена нации и национализма, американский исследователь делает вывод о том, что принадлежность к нации выступает как своего рода религия современного общества, сулящая человеку бессмертие в вечном существовании нации, к которой он себя причисляет в своём воображении.² Андерсон говорит о ценностной, культурной укоренённости «воображаемых сообществ», на конкретном историческом материале раскрывает механизмы создания («воображения») нации, разрабатывает понятие «национальное сознание». Связанная в классической европейской интерпретации, в первую очередь, с властными отношениями, интересами элиты, с государственной идеологией и политикой нация у Андерсона предстаёт «как новый, характерный для современного общества способ связывать воедино в целостном восприятии пространство, время и человеческую солидарность. Особенность этого соединения и заключается в том, что оно не осуществимо без воображения, опосредующего и обосновывающего коллективную связь, без унифицирующего воображения, создающего культурно целостные воображаемые сообщества, которые к тому же имеют ценностный характер»³. Можно сказать, что у Андерсона нация трактуется как *универсальная полезная иллюзия*, без которой бытие человека в секуляризированном мире оказывается невозможным.

Несмотря на то что свои тезисы Андерсон раскрывал на материале стран Юго-Восточной Азии, его теоретические выкладки стали основанием для рассуждений европейских интеллектуалов, ставящих своей целью обосновать, определить рамки совместной исторической памяти нового «воображаемого сообщества» — объединённой Европы.

С 80-х годов развивается новая ветвь исследований того, как образы в широком смысле формируют конструкцию сообщества. Ведущими понятиями здесь становятся не только *воображаемые со-*

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М. : Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001.

² Баньковская С. Предисловие к изданию на русском языке // Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М. : Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001.

³ Указ. соч.

общества («*imagined communities*») Бенедикта Андерсона, но и *воображаемые социальные институты* («*institution imaginaire de la société*») Корнелиуса Касториадиса (1975)¹ и *воображение*, как этап социальной идентификации индивида в концепции Жака Лакана. С 1990-х годов для обсуждения социальных образов всё чаще используется понятие «коллективная память». То, что в 60-е и 70-е годы называлось мифом и идеологией, с 90-х годов XX века обсуждается с использованием понятия «память».

Одна из известных теоретиков формирования европейской исторической памяти Алейда Ассман уверена, что с утверждением этого нового понятия (совпавшим со сменой поколения) связан *новый научный результат*, состоящий в том, что была осознана *неизбежность коллективных образов* (в том числе и политических символов), позволяющих сообществу создать образ себя. «На место критической рациональности, которая трактовала образы прежде всего как средство манипуляции, пришло убеждение в необходимости образов и коллективных символов. ...Конечно, в этом также участвуют не только образы, но и рассказы, места, памятники и ритуальные практики»². Исследовательница отмечает, что миф в современном мире имеет двойное значение. С одной стороны, миф, как правило, предполагает фальсификацию исторических фактов, представляет собой ложное сознание. С другой стороны, именно миф предоставляет возможность «увидеть историю глазами идентичности»³, предполагает «аффективное принятие собственной истории»⁴. «Миф в этом смысле есть обосновывающая история, которая проходит не только через историоризацию, но и также оснащается длящимся смыслом. Этот миф представляет историю в настоящем и позволяет получить в ней ориентирующую силу для будущего. Здесь сочетаются фальсификация и принятие своей истории»⁵.

¹ Касториадис К. Воображаемое установление общества. М. : Гнозис, Логос, 2003.

² Assman A. Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik. München: C. H. Beck, 2006. S. 40.

³ Meier Ch. Vierzig Jahre nach Auschwitz, Deutsche Geschichtserinnerungen heute. München, 1987. S. 75, 76.

⁴ Assman A. Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik. S. 40.

⁵ Там же.

Известный египтолог и теоретик культурной и исторической памяти Ян Ассман различает две функции мифа. Обосновывающая функция «представляет настоящее в свете истории, которая позволяет настоящему казаться осмысленным, богоугодным, необходимым, неизменным». Компенсирующая функция, противостоящая первой, проистекает из дефицита опыта у современности и «приспосабливается» прошлому, связанному, как правило, с героями.¹ Ян Ассман не сомневается, что в культуре исторической памяти миф невозможно отделить от истории: «Прошлое, которое утверждается и переживается как нечто обосновывающая история (*fundierende Geschichte*), — это миф, вне зависимости от того, какие факты лежат в основе этого — ложные или действительные». «Миф — это история, которую рассказывают, чтобы самому сориентироваться и сориентировать кого-либо в мире, это истина более высокого порядка, которая задаёт социальные нормы и обладает конструктивной образующей силой».²

Формула современного мифа отчасти повторяет черты мифа первобытного: совсем нетрудно в коммеморациях и обыденном сознании современных государств обнаружить идеи о времени первотворения и «золотом веке», подвиги Героя, имеющего черты одновременно естественного и сверхъестественного существа, проследить метафоричность и чувственный характер идеологических установок, увидеть особые представления о времени и пространстве, культурный синкретизм, предполагающий нерасчленимое единство чувства и разума, а также форм общественного сознания (политики, искусства, религии, морали и других). Можно продолжить аналогию с первобытным обществом и вспомнить обряды инициации и суггестивные коллективные ритуальные практики, обеспечивающие единство первобытной общины. Миф активно используется в волевых стратегиях исторической памяти, он же представляет собой естественный способ *самоорганизации обыденного исторического сознания* социальных групп. Символическое освоение пространства и времени, процессы *политической ремифологизации* осуществляются отчасти по законам действия мифологического сознания перво-

¹ Assman J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in früher Hochkulturen. München, 1999. S. 79.

² Там же. S. 76.

бытных культур (где этот тип сознания был доминирующим), отчасти обнаруживают всё новые черты.¹

При реализации наднациональной модели исторической памяти довольно часто осуществляется честная и последовательная попытка осознания интеллектуалами роли мифа в современном обществе и реабилитации мифа как универсальной формы общественного сознания. Миф рассматривается как любая «рассказанная история» с началом и концом. Предлагается отныне не *жить в мифе*, а использовать миф в конструктивных интересах благосостояния общества. Интересы современного общества, согласно этой концепции, состоят в признании безусловной ценности демократии и прав человека. Отсюда главное требование к мифу, которое звучит парадоксально для обыденного употребления этого слова, — исключить ложь и быть правдивым, так как «право на правду о прошлом — существенный элемент наших прав»².

Можно предположить, что довольно свободное обхождение с исторической истиной, характеризующее миф, в большей степени представлено в национальной модели исторической памяти авторитарных и транзитивных обществ, а такая черта мифа, как эмоциональное принятие истории коллектива, обеспечивающее единство, — в наднациональной модели развитых демократических обществ.

Таким образом, для современного исторического сознания важен не только вопрос — «как это было на самом деле», но и — как то или иное историческое событие познавалось и как оно вспоминается. Нельзя не заметить, что на этом относительно новом теоретическом поле формируется представление о значимой *ценности исторической пользы*, которая понимается как результат усвоения опыта мировых катастроф недавно ушедшего века и нисколько не умаляет *ценности исторической истины*. Именно в диалектике исторической истины и исторической пользы раскрываются непростые законы формирования и функционирования современного исторического сознания и процессов ремифологизации.

¹ Cassirer E. The myth of the state. New Haven: Yale Univ. Press, 1946; Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке / Сост. С. Я. Левит; пер. Ю. А. Муравьева. М. : Гардарика, 1998.

² Misztal B. A. Collective Memory in a Global Age Learning How and What to Remember // Current Sociology, Volume 58, Number 1, January 2010. С. 41.

Библиография

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001.
2. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке / Сост. С. Я. Левит; пер. Ю. А. Муравьевы. М., 1998.
3. Касториадис К. Воображаемое установление общества. М., 2003.
4. Савельева И. М., Полетаев А. В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого / Ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М., 2005.
5. Assman A. Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik. München, 2006.
6. Assman J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in früher Hochkulturen. München, 1999.
7. Cassirer E. The myth of the state. New Haven:, 1946.
8. Kansteiner W. Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies // History and Theory. May 2002. — Vol. 41. — № 2.
9. Klein K. L. On the emergence of Memory in historical Discourse // Representations. Winter 2000. — № 69 (Special Issue: Grounds for Remembering).
10. Meier Ch. Vierzig Jahre nach Auschwitz, Deutsche Geschichtserinnerungen heute. München, 1987.
11. Misztal B. A. Collective Memory in a Global Age Learning How and What to Remember // Current Sociology, Volume 58, Number 1, January 2010.
12. Olick J. K. Collective Memory: The Two Cultures // Sociological Theory. November 1999. — Vol. 17. — № 3.
13. <http://www.pln-pskov.ru/allworld/72967.html>

*БЕЛЯЕВА Екатерина Евгеньевна,
старший преподаватель
кафедры романо-германских языков
гуманитарных факультетов,
Московский педагогический
государственный университет
belayevi_s_k@mail.ru*

Культура как основание европейской интеграции / Culture as a foundation of European integration

Аннотация

Стабильность и взаимодействие между государствами — членами ЕС полностью зависят от успеха межкультурного сотрудничества. Очевидно, что перспектива европейской интеграции сегодня состоит в превращении культуры в инструмент преодоления социального, экономического и политического кризиса, а также обеспечения европейской безопасности. Культурная политика осознаётся как основная стратегия, гарантирующая успешную политическую интеграцию, экономическую целостность и социальную стабильность в расширяющемся Европейском сообществе. Культура, таким образом, выступает как основание европейской интеграции.

Ключевые слова

Интеграция; культурная политика; культурное разнообразие.

Annotation

Stability and cooperation between the EU Member States are entirely dependent on the success of intercultural cooperation. Today the prospect of European integration is the transformation of culture into a tool to overcome social, economic and political crisis, as well as

European security. Cultural policy is perceived as the main strategy that guarantees a successful political integration, economic integrity and social stability in the enlarged European Community. Culture serves as the foundation of European integration.

Keywords

Integration; cultural policy; cultural diversity.

С момента создания Европейского союза (ЕС) место культуры в объединении Европы неоднократно подвергалось переосмыслению. Только в последние годы был признан тот факт, что культура обладает огромным потенциалом, позволяющим существенно уменьшить степень гетерогенности и дезинтеграции европейских обществ на территории ЕС.

Именно культура является основным *средством обеспечения общественной поддержки* европейской интеграции. Невозможно построить конкурентоспособную экономику или гарантировать стабильное, высокое благосостояние общества, не оказывая финансовой, правовой и кадровой поддержки культуре государств — членов ЕС. Проблемы, связанные с социальной сферой: политикой на рынке труда, здравоохранением и системой образования, могут быть успешно решены лишь в том случае, если рассматривать культуру как *источник развития общества*. Культурная сфера не просто одна из составляющих европейской интеграции наряду с экономической и правовой, она является основанием, *движущей силой развития всех интеграционных процессов*. Сегодня культура понимается не только как источник и движущая сила, но и как важнейший инструмент интеграции.

Процесс глобализации, расширение и иммиграция делают ЕС поликультурным сообществом. И для того чтобы этот факт не стал угрозой и проблемой для ЕС, культура рассматривается как основная и даже единственная возможность для межкультурного диалога и сотрудничества между государствами — членами ЕС. Именно успешная культурная политика является основанием для оптимистических ожиданий, связанных с результативным завершением процесса интеграции в ЕС: увеличением европейского благосостояния, конкурентоспособности, творческого и новаторского потенциала.

Примечательно, что в основе развития всегда лежит противоречие. Противоречие характеризует и актуальное состояние европей-

ской культуры. С одной стороны, культура выступает как то *общее*, идентичное, что исторически и этнически объединяет народы Европы, объективно существующие в условиях межкультурного диалога, осознаётся этот факт сообществом или нет. С другой стороны, культура является проявлением *единичности* каждого из этнических сообществ, рефлексией их национального своеобразия и диверсификации в целом. В этом смысле перспектива культурного развития Европы видится ЮНЕСКО в достижении культурной идентичности, но на основе сохранения культурного разнообразия. Речь идёт о формировании целостного, единого культурного пространства за счёт взаимообогащения национальных культур. При этом имеется в виду не только межгосударственный уровень, но и поликультурные взаимодействия внутри отдельных стран — членов ЕС.

Поскольку основой реализации культурной политики в рамках создания европейской идентичности является девиз ЕС о единстве в разнообразии, логично рассматривать культуру как основание интеграции в движении от общего к единичному и от единичного к общему.

Следует отметить, что достижение европейской идентичности, заявленное в культурной политике ЕС, является непростой задачей, решение которой также связано с преодолением определённого противоречия. Так, основными инструментами европейской интеграции признаны такие символы европейской идентичности, как флаг, гимн, паспорт, почтовые марки, евро и т. п. Но использование этих инструментов на наднациональном уровне подвергает дискриминации государственные символы и национальные ценности каждой из стран, входящих в ЕС.

Кроме того, каждая этническая группа, проживающая на территории ЕС, выделяет различия между собственным национальным сообществом и «посторонними», представляя эти культурные различия как естественные и непреодолимые. Это привело, например, к появлению «национальных» интерпретаций европейской истории.

Интересно также мнение граждан, проживающих на территории ЕС, относительно их восприятия европейской идентичности. Только 17% населения ЕС чувствуют и осознают свою принадлежность не только к национальной общности, но и к европейской.¹

¹ Standard Eurobarometer 64: Public Opinion in the European Union, European Commission (Autumn 2005), http://europa.eu.int/comm/public_opinion/index_en.htm.

Европейские политики осознают, что для формирования общей европейской идентичности необходимо переориентировать вектор культурной политики ЕС и направить его на сохранение национальной специфики каждого государства — члена ЕС. Речь идёт об использовании новых методов интеграции, основанных на принципах единого политического, экономического и социального пространства ЕС. Актуальная культурная политика ЕС учитывает и культурное разнообразие ЕС, и его культурную однородность. Однако это положение носит скорее декларативный характер. В настоящий момент отсутствует ясное видение того, что должно быть взято от разнообразных национальных культур и какие черты национальной специфики должны лечь в основу процесса европейской культурной интеграции.

Анализ современного состояния культурного строительства в Европе показывает, что европейская культурная политика привела её субъектов к пониманию того, что культурная интеграция не может ориентироваться лишь на создание культурной общности, так называемой европейской идентичности, а должна базироваться на национальной специфике каждой страны, входящей в ЕС. Результативность культурной интеграции зависит от эффективного использования всего национального и культурного разнообразия государств — членов ЕС. Следовательно, вектор культурного строительства в Европе направляется от единичного к общему. В этой связи понятие европейской идентичности переосмысливается. Осознаётся, что деятельность национальных общественных объединений следует интегрировать в культурную политику сообщества для решения проблем, которые возникают в данном национальном, региональном, местном контексте. Культурное сотрудничество и взаимодействие, которые получили долгожданное признание в новых европейских культурных программах, являются лучшими способами создания европейского единства и неоспоримыми достижениями на пути преодоления обособленности национальных культур народов ЕС.

Но культурная политика ЕС по-прежнему реализуется зачастую лишь в рамках национальных культур государств — членов ЕС, накладывая определённые ограничения на создание единой европейской культурной политики. Этот факт свидетельствует о том, что вектор культурной политики, направленный от диверсификации к идентичности, демонстрирует свою статичность, и движение от единичного к общему отсутствует.

Отсутствует также и движение в обратном направлении, т. е. от общего к единичному. Об этом свидетельствует то, что основные значимые решения в области культурной политики принимаются только Советом Европы (кроме тех случаев, когда решение принимается совместно Советом Европы и Европарламентом). Этот факт вызывает недовольство государств — членов ЕС и укрепляет их в своём желании сохранения своего суверенитета и опасении быть поглощёнными «единым европейским пространством». Здесь было бы уместно сказать, что общая Конституция потенциально даёт культуре тот необходимый статус, который необходим для европейской культурной интеграции, и связывает сферу культурной политики с европейской хартией основных прав («European Charter of Fundamental Rights»). Однако, с одной стороны, до настоящего времени Конституция не ратифицирована на национальных уровнях. С другой стороны, и её ратификация была бы недостаточной мерой для нахождения компромисса между «общностью» и национальными спецификами государств — членов ЕС. В этой связи хотелось бы отметить, что культурной политике ЕС не хватает настойчивости в обеспечении *динамизма и обратной связи* в процессах движения от единства к разнообразию и от разнообразия к единству. Отсутствие приоритетов и признание равнозначности инвариантных и специфических культурных ценностей также является важным условием преодоления основного противоречия, которое заключается в самом провозглашении единства в разнообразии.

А между тем сегодня Европейский союз находится в кризисе, в котором не последнюю роль сыграла реализация культурной политики.

2005 был трудным годом для объединения Европы. Этнические бунты во Франции и террористические атаки в Лондоне стали неприятным доказательством отчуждения национальных городских групп и отказа от интеграции иммигрантов. Непризнание Конституции ЕС, которая была нацелена на объединение увеличивающегося Европейского сообщества, свидетельствовало о спорности идей единства в ЕС.

Вслед за неудавшимися референдумами во Франции и Нидерландах пессимизм европейцев относительно интеграционных процессов возрос, в том числе и по отношению к финансовым перспективам Европейского сообщества. Таким образом, заявление,

прозвучавшее в 2005 году в Лиссабоне, о том, что Европейское сообщество получит «самую динамично развивающуюся и конкурентоспособную экономику к 2010 году», не оказалось пророчеством.

Все эти обстоятельства, а также стремительное расширение ЕС определили безотлагательную необходимость структурных реформ в области культурной политики.

Проблемы европейской интеграции находят отражение и в общественном настроении. Так расширение Союза на Восток, имевшее место в 2004 году, отрицательно сказалось на отношениях между членами ЕС, т. к. оно увеличило культурные, языковые и социально-экономические различия между государствами-членами. Возникновение страха перед возможными перспективами ЕС обусловлено грозящими экономическим застоем, социальным и экономическим кризисом, нарастающей волной иммигрантов (преимущественно, иммигрантов, приезжающих в страны ЕС на заработки), конфликтом между европейской и «восточной» культурами. Слабая правовая, экономическая и социальная база для дальнейшей экспансии Европейского сообщества усугубляет это появляющееся и крепнущее чувство ненадёжности.

Недовольство проводимой национальной и общеевропейской политикой, растущая враждебность к мигрантам привели к тому, что 21 из 25 «старых» государств-членов и 8 из 10 новых участников перестали поддерживать идею о дальнейшем расширении Европейского сообщества.

Всё меньше и меньше людей полагают, что их страна извлекает выгоду из членства в ЕС. Доверие к важнейшим европейским институтам (Комиссия, Парламент и Европейский совет) уменьшилось в большинстве государств — членов ЕС.¹

Напряжённые социальные, политические и экономические отношения показывают, что расширяющийся ЕС всё больше и больше теряет своё единство и конкурентоспособность. Существует большая вероятность того, что это поставит ЕС в безвыходное положение перед лицом кризиса. Большинство ведущих европейских политических деятелей утверждают, что правительство ЕС должно сконцентрироваться на политических, социально-экономических

¹ Standard Eurobarometer 62–64: Public Opinion in the European Union, European Commission (Autumn 2004 — Autumn 2005), http://europa.eu.int/comm/public_opinion/index_en.htm.

реформах, а не тратить время, силы и ресурсы на культурную политику.

Эта позиция уравнивается противоположной точкой зрения, согласно которой социально-экономические проблемы не могут быть решены до тех пор, пока культурная сфера считается второстепенным источником экономического роста, а не залогом успешного социального развития. Утверждается, что наряду с чувством собственного достоинства, солидарностью, терпимостью, равенством возможностей, диалогом, а также конкурентоспособностью (инновационными технологиями и творческим потенциалом) именно взаимодействие в области культуры будет способствовать преодолению препятствий, которые встали на пути интеграции.

Итак, культурные приоритеты и решения рассматриваются как неотъемлемая часть социальной политики ЕС. Культура превращается в *основной инструмент социальной политики*, за счёт использования которого напряжение в отношениях между «старыми» и новыми государствами — членами ЕС может быть снято.

Следует отметить, что культурный облик новых государств — членов ЕС существенно отличается от культурного облика членов со старжем. Например, существует большое несоответствие в потенциале городов и пригородов, больших городов и маленьких и т. п. Ощущается дефицит доступа к распределению культурных товаров, услуг, нехватка финансовых ресурсов местных, региональных и центральных правительств, необходимых для развития культурного сектора. Кроме того, в странах восточной части ЕС, в отличие от остальной части сообщества, существует большой разрыв в благосостоянии богатых и бедных слоёв общества, и, как следствие, отсутствует возможность проведения единой линии культурной политики как общеевропейского, так и государственного уровней.

Для того чтобы достичь единства между государствами — членами расширяющегося Европейского сообщества, особое внимание обращается на культурную составляющую во всех социальных программах. При этом разработчики новых проектов в области культуры стремятся сделать их более гибкими, доступными для всех наций и слоёв населения ЕС. На общеевропейском уровне культурные приоритеты требуют их внесения во все национальные планы развития и обновления в зависимости от складывающейся на территории ЕС социальной, экономической и политической ситуации.

Исходя из стремления доказать конкурентоспособность ЕС, а также увеличить его экономический потенциал, политики отводят культуре роль и *инструмента экономической политики*, что станет частью возобновления лиссабонской стратегии.

Успешно проводимая культурная политика особенно важна в моменты социального, политического и экономического кризиса в отношениях между государствами ЕС. Ведь именно культура может объединять (на местном, региональном, национальном и общеевропейском уровнях) конфликтующие стороны, позволяя достичь необходимого равновесия в социальной и экономической сфере. Без культуры нет чувства единства, а без единства невозможно построить ни одно сообщество. Поэтому культурная политика является основным *инструментом для достижения полного взаимопонимания* как в пределах одного государства, так и в пределах всего Европейского сообщества. Культура позволяет бороться против предубеждения и ненависти ко всему «иностранному», ко всему «постороннему». Проблема мигрантов и иммигрантов может перестать быть столь болезненной и устрашающей, ведь именно эти группы людей могут сыграть позитивную роль в налаживании межкультурного, межнационального диалога.

В то же время нет никакого смысла в построении единого сообщества, если основным результатом расширения ЕС становится ненадёжность её новых границ. Культурные границы Европейского сообщества не совпадают с границами увеличивающегося ЕС. Новые восточные территории ЕС, введение единого визового режима, появление новых языковых и этнических областей, включение новых участников в Шенгенское соглашение разрушают уже построенные и налаженные связи регионального сотрудничества в области культуры.

В этих условиях культура выступает как *инструмент политики безопасности*, поскольку налаживание межкультурных связей лежит в основе вступления в диалог и достижения взаимного доверия между странами. Межкультурное общение позволяет преодолеть предубеждения и отрицательные стереотипы стран-«новичков».

Решение Еврокомиссии об объявлении 2008 года Годом межкультурного диалога стало важным шагом культурной политики ЕС. Увеличивающееся число стран-участниц делают культурную составляющую ЕС всё более и более разнообразной, что не может не вызвать определённых сложностей. Признание и поощрение поликультурности, культурных обменов, доступности и открытости культурной сфе-

ры ЕС — это возможность интерпретировать, понимать и принимать мысли, идеи и национальную специфику каждого из государств-членов, отправная точка для достижения взаимопонимания на местном, национальном, региональном, европейском уровнях. Основная цель культурной политики ЕС видится как признание, оценка и поощрение культурного разнообразия — разнообразия культур и культурных действий. Именно такое понимание взаимосвязи европейской и национальных культурных политик может обеспечить их открытость, доступность и послужить основой межкультурного диалога.

Из документов ЕС видно, что межкультурный диалог должен осуществляться на трёх уровнях:

- 1) на национальном уровне — уровне разных культур в пределах одного государства ЕС;
- 2) на межнациональном европейском уровне:
 - а) между старыми и новыми государствами — членами ЕС;
 - б) между членами Европейского сообщества, предполагаемыми членами и странами, не входящими в состав ЕС и не претендующими на членство;
- 3) на глобальном уровне: между Европой, Азией, Америкой и т. д.

Основными целями межкультурного диалога в рамках Европейского сообщества являются консолидация культурных ценностей и создание европейской идентичности. Впрочем, ни одна из составляющих европейской культуры, ни европейская идентичность, ни разнообразные виды культурных ценностей не могут быть просто собраны воедино. Они заново осмысляются, интерпретируются, но уже не только тем обществом, к которому они относятся или которому принадлежат, а совместно всеми членами сообщества. Это можно рассматривать как предпосылки межкультурного диалога и культурной консолидации.

Межкультурный диалог в рамках ЕС призван стать не просто способом обмена информацией, инструментом получения доступа к различным европейским культурам, культурным продуктам и услугам, но и методом организованной совместной успешной работы в области культурной политики Сообщества. Поликультурная, полилингвистическая территория — продуктивная основа для успешного развития ЕС.

Вышеизложенное приводит к выводу о том, стабильность и взаимодействие между государствами — членами ЕС полностью зависят от успеха межкультурного сотрудничества. Очевидно, что перспектива европейской интеграции сегодня состоит в превращении

культуры в инструмент преодоления социального, экономического и политического кризиса, а также обеспечения европейской безопасности. *Культурная политика осознаётся как основная стратегия, гарантирующая успешную политическую интеграцию, экономическую целостность и социальную стабильность в расширяющемся Европейском сообществе.* Культура, таким образом, выступает как основание европейской интеграции.

Библиография

1. Востряков Л. Е. Культурная политика в современном мире (взгляд из России) // Материальная база сферы культуры. Науч.-информ. сборник. Вып. 1. М. : Изд-во РГБ, 2000. С. 40–72.
2. «Declaration universelle de l'UNESCO sur la diversité culturelle», Article 1 La diversité culturelle, patrimoine commun de l'humanité, <http://unesdoc.unesco.org/images/0012/001271/127160m.pdf>
3. «International flows of cultural goods, 1980–98», Paris, UNESCO, 2000. Concerns annual world trade of printed matter, literature, music, visual arts, cinema, photography, radio, television, games and sporting goods.
4. Standart Eurobarometer 62–64, Public Opinion in the European Union, European Commission (Autumn 2004 — Autumn 2005), http://europa.eu.int/comm/public_opinion/index_en.htm
5. Standart Eurobarometer 64, Public Opinion in the European Union, European Commission (Autumn 2005), http://europa.eu.int/comm/public_opinion/index_en.htm
6. Strategy on Culture in the European Development Policy, Draft Report, EU Commission. <http://www.labresearchonline.org/pdf/CDEUEP-Annex8-Strategy.pdf>.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

*БЕЛЯЕВ Геннадий Юрьевич,
кандидат педагогических наук,
старший научный сотрудник,
Центр теории воспитания учреждения РАО
«Институт теории и истории педагогики»,
член-корреспондент, Академия
педагогических и социальных наук, Москва
29fdda@mail.ru*

Критерии социального воспитания в условиях глобализации¹ / Criteria of social education during globalization

Аннотация

В статье освещаются вопросы воспитания, приоритетные для процесса разумных трансформаций в сфере непрерывного образования, адекватных управленческих решений вопросов социально-экономического прогресса, развития науки и культуры в противоречивых условиях современной глобализации.

Ключевые слова

Критерии социального воспитания; глобализация; гуманитарные ресурсы; образовательная среда; воспитательные системы; воспитательное пространство.

Annotation

The article reviews key items of social education actual for the process of rational transformations in the sphere of lifelong education, adequate for socio-economic progress management, development of science and culture within controversial environment of modern globalization.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ № 09-06-00622а.

Keywords

Criteria of social education; globalization; educational environment; educational systems; educational network.

Определение критериев социального воспитания в условиях глобализации экономического и культурного пространства представляет значительную проблему. Воспитательные системы включены в системы глобального стратегического моделирования именно как составные части управления гуманитарными ресурсами регионов. По крайней мере, в первой половине XXI века ведущим критерием гуманности воспитательных систем будет их способность формировать конкурентоспособные кадровые ресурсы. Основным профессиональным качеством таких ресурсов будет способность к нетривиальным интеллектуально-информационным решениям социально-экономических проблем, к упреждающим гуманитарно-экономическим ударам и социально-технологическим прорывам в самых невероятных сферах жизнедеятельности общества и государства. Мир стал иным уже в силу абсолютного внедрения в быт сотен миллионов людей виртуальной технологической реальности WEB-сетей, так называемой Всемирной информационной паутины (Интернета) и других сетевых информационных структур средств массовой (виртуально-дистантной) коммуникации (СМК). Мировое сообщество вступает в довольно головокружительную эпоху принципиально нестандартных онтологических игр обрушения традиционного индустриального базиса, встраивания в глобальные сети разного рода хитроумно «закрывающих технологий», «управляемых кризисов», «высокотехнологичных (high-tech) и гуманитарных (хай-хьюм, high humanitarian, high-hume) прорывов» и т. д. В эпоху постоянной готовности к неизвестному необходимо воспитывать умение конструктивно (но жёстко) противостоять этому неизвестному, если оно явно антигуманно, явно нежелательно, явно разрушительно по первым же симптомам своего социального проявления. С реальностью новых технологических благ и социальных вызовов, культурных рисков и авантюр глобализации жить и спорить трудно, особенно трудно педагогу-воспитателю. Но работать с этой реальностью можно и нужно, без иллюзий, но и без предательства социальной мечты и без отказа от высоких идеалов справедливого, человеческого общества.

Нельзя не признать, что на рубеже двадцатого и двадцать первого столетий оформляется своеобразная социально-педагогическая

тенденция оставлять за бортом новых технологий работы с человеческим материалом тему «что такое хорошо и что такое плохо» — причём моральный релятивизм в педагогике всё время оправдывается якобы необходимостью её деидеологизации. Отсюда стремление убрать воспитание как явление и процесс из стен школы, заменить это понятие социализацией и предоставлением образовательно-воспитательных услуг. При этом массовое тиражирование унифицированных образов массовой культуры и социально-антагонистических стилей жизни различных социальных страт воспроизводится ежедневно и глобально в условиях обострения противоречий процессов глобализации. Как быть?

В «пространствах воспитания» речь идёт в первую очередь не о неизвестно как и по какому поводу «саморазвивающихся» личностях, а о специфических общностях, дающих гарантии свободы и полноправного развития их членам. Ведь именно по такому сценарию выращивания социально-коллективистских практик воспитывались колонисты в школах Макаренко! Именно такой стратегический ход имелся в виду В. В. Давыдовым и его коллегами в начале 1970-х гг., когда закладывались сценарии развивающего образования, организационно-деятельностных игр (ОДИ) и было создано целое созвездие воспитательных систем Академгородков (Новосибирск, Дубна, Зеленоград и др.). Именно по такому пути пошла в своё время (в условиях катастрофической нехватки других ресурсов) японская система современного корпоративно-общинного непрерывного образования. Неслучайно в научной школе академика РАО Л. И. Новиковой центральным является тезис о коллективе, о качестве коллектива как функционально-ценностного ядра воспитательной системы.

По определению А. А. Леонтьева, воспитание определяется не абстрактными значениями, а личностными смыслами. Другими словами, принцип смыслового отношения к миру является интегральным критерием, объединяющим *объективные значения предметной деятельности и отношения субъекта* (выраженные в смыслах индивидуальной деятельности по распределению объективных значений знания и культуры).¹ Как методологический синоним системного эффекта он оформляет воспитательное пространство

¹ Леонтьев А. А. Педагогика здравого смысла. «Школа 2000...» Выпуск 1. Концепции и программы непрерывных курсов для общеобразовательной школы // Под научн. ред. А. А. Леонтьева. М. : Баласс, 1997. 208 с. С. 13, 9–23.

ориентировочной основой деятельности и педагога, и школьника. Возникает определённая система учебной и воспитывающей деятельности, которая опирается на культуру как мировоззрение и как культурный стереотип, преодолевая схоластику оторванного от жизни, социально стерилизованного и культурно кастрированного школярства, беспомощно пасующего перед любыми сомнительными и авантюрными инновациями, вообще разрушающими школу как социальный институт.

Образовательная среда образует, по А. А. Леонтьеву, стихийно-ориентировочную основу деятельности, стремящейся охватить как можно больше сторон отношения субъекта к динамике изменений среды окружающего мира, областей и форм общественного сознания. А воспитательное пространство? Воспитательное пространство — это как педагогически освоенная часть образовательной среды, её локальный, но многозначительный фрагмент, оно складывается либо «стихийно» (под властью господствующей традиции или обычая), либо формируется «сознательно» в силу господствующей в обществе политико-идеологической установки или общепризнанной модели общественного и социокультурного развития. Являясь пространством особого, педагогического взаимодействия и особого — педагогического — общения, воспитательное пространство не только формирует общий вектор перехода от деятельности в учебной ситуации к деятельности в жизненной ситуации, но и определяет социальное качество учебной деятельности.

В зависимости от общей образовательной ситуации это качество либо догматически воспроизводит пассивность человека как объекта внешнего влияния, либо, по определению И. Я. Лернера, «представляет собой явление деятельности по определению и формированию образа человека и его места в мире»¹. В работе «Деятельность. Сознание. Личность» (М.: Политиздат, 1975) А. Н. Леонтьев проводит разграничение понятий «значение» и «личностный смысл», подчёркивая факт их растущего рассогласования в ходе индивидуального развития и формирования сознания личности, что «делает необходимым выделять в анализе личностный смысл в качестве ещё одной образующей систему индивидуального сознания». По А. А. Леонтьеву, «личностный смысл и создаёт пристрастность человеческого сознания, связывая значения с реальностью самой его жизни в

¹ Лернер И. Я. Развивающее обучение с дидактических позиций // Педагогика. — 1996. — № 2. — С. 7–11.

этом мире, с её мотивами...» Воспитание становится решающим фактором развития личности растущего человека. Обойти или подменить эту проблему пресловутой социализацией невозможно. Дело не в упразднении воспитания. Дело в упрочении воспитания, упраздняющего схоластику манипулирования человеческим материалом. Тот, кто опредмечивает знания и умения, опредмечивает, пользуясь известным выражением К. Маркса, свою человеческую сущность, создаёт человеческое чувство, «соответствующее всему богатству человеческой и природной сущности»¹. Тот, кто перестаёт быть пассивным объектом влияния образовательной среды, становится реальным субъектом образовательного процесса, способным к «творчеству социальных отношений». Эту мысль выразил В. П. Вахтеров ещё в 1913 г.: «Очевидно, что жизнь требует от школы чего-то другого, а не номенклатуры... и прочего материала, заучиваемого для экзамена... Теперь в жизни имеет успех не тот, чья память переполнена мелкими фактами, а тот, кто обладает наблюдательностью, смыслённостью, умением разобраться в вопросах, какие ему ставит жизнь, быстро найти необходимые точные справки, отличить существенное, достоверное от мало важного, придя к определённом решению, энергично действовать. Но все эти качества приобретаются не заучиванием фактов, а путём упражнений над ними, путём наблюдений, опытов, анализа явлений, вывода из данных фактов, комбинирования их, размышления над ними»². Школа должна помогать молодому человеку, растущему гражданину постоянно учиться восходить от уровня узнавания вещей и явлений к уровням их анализа, сравнения, синтеза, оценки, не зацикливаться на примитивной репродукции. Именно умное воспитание учит человека думать, делает образование непрерывным. Плохо разработанные и ещё хуже применённые технологии ЕГЭ являются манипулятивными и закрывающими человека технологиями именно в том смысле, что они, по существу, превращаются независимо от благих намерений их проектировщиков в простой элемент социальной драматургии, закрепляя фетишистские стереотипы репродуктивного мышления, некритического сознания, безответственной деятельности.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в 2-х томах. Маркс К. Тезисы о Фейербахе. М. : ОГИЗ. Госполитиздат, 1948. Т. 2. С. 384–385.

² Вахтеров В. П. Избранные педагогические сочинения / Сост. Л. Н. Литвин, Н. Т. Бритаева. М. : Педагогика, 1987. Основы новой педагогики С. 371, 343, 324–384. Предметный метод обучения. С. 269–323. Наши методы преподавания и умственный паразитизм. С. 148–162 (Педагогическая б-ка).

Ретроградно-кастовая стратификация общества, закрывающего путь в нормальное образование, будет всё в большей мере обрекать целые социальные слои новых поколений не на пресловутое «участие» (в переменах), а скорее на вполне незавидную участь аутсайдеров, маргиналов и люмпенов.

С другой стороны, и педагоги, и родители, да и управленцы в упор чувствуют и другую проблему — а востребовано ли гуманистическое воспитание в реальной среде карьерно-коммерческих общественных отношений нынешнего времени? В среде, где ценится отнюдь не свобода или творчество, а умение «угадать» и «угодить», не «создать», а «продать» товар как можно быстрее и без особых моральных церемоний? Не взорвут ли школу противоречия культурно-установочных стереотипов? Вопросы не праздные. По А. Н. Леонтьеву, личностный смысл образуется отношением мотива деятельности к цели деятельности¹. Личностный смысл формирует особый вектор готовности личности к дальнейшему развитию. В концепции «образа мира», разработанной А. А. Леонтьевым, этот «образ мира» построен не из абстрактных значений, а из личностных смыслов. Проще говоря, он одновременно является и образом мира, и образом нашего отношения к миру, нашего переживания мира... Мировоззрение — не холодное и отстранённое «воззрение на мир», а видение его через нашу личность, через мотивы и установки, ценности и убеждения, в свете нашего индивидуального опыта — не только познавательного, но и эмоционально-смыслового². В нашем обществе накоплены такие ценности, которые до сих пор выступают эталонами качества для зарубежных образовательных систем (для той же системы образования в ФРГ, Японии и др.), для всех, кто умеет думать о прогрессивном будущем своей страны. Много ли на свете типов общества, где идеалом общественного воспитания был бы поставлен свободный, сознательный, общественно-полезный труд как личностный смысл собственной жизни? Много ли на свете типов общества, где культ трудовой этики сопряжён с трудовыми отличиями и системой общественно значимых наград и званий: *«За трудовую доблесть»*, *За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.*, *«Ветеран труда»*, *Ударник коммунистического труда»*

¹ Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: в 2-х т. Т. 2. М.: Педагогика, 1983. 320 с., ил. (Труды д. чл. и чл.-корр. АПН СССР). С. 153–155.

² Леонтьев А. А. Педагогика здравого смысла. С. 13, 9–23.

и т. п. — тем, что за последние годы так сильно обесценено, девальвировано в сознании *новой* молодёжи? Есть ли система подобной социальной признательности в США, в Великобритании, в Бразилии и т. д.? Значит, нет необходимости некритически копировать любые инновации¹ или восторгаться утверждениями типа «сейчас внедряется инновационный стиль жизни (?!), при котором человек должен (?!) (кому?) поменять за свою жизнь как минимум пять профессий». И что же в результате останется от этого человека как работника, как гражданина? А как эта перманентная «свистопляска» отразится на его семье, на обществе, на производстве?!

Педагогическая поддержка может содействовать светскому или религиозному разуму, здравому смыслу или потребительскому рассудку. «Воля» может дойти даже до самопожертвования (как подсаживает совесть во имя гражданского и человеческого долга, при спасении людей и защите Родины). Но затем при известных условиях социальной дрессуры воля способна превратиться из героического самопожертвования в бесчеловечный фанатизм (например, в системе боевой подготовки камикадзе или в воспитательном пространстве шахидов-мучеников политизированного ислама). Авантюризм предпринимательского склада характера граничит порой с социальным фолом или скатывается до уголовщины (*деньги не пахнут, бей первым, человек человеку — волк*). Социально-нормативный конформизм может обернуться гражданским безволием, политической апатией и аморальной трусостью. Критерий здравого смысла может быть утрирован до уровня схоластической рассудочности, убивающей живое содержание процесса воспитания. Многие педагоги-воспитатели обращают внимание педагогов-учёных на то, как социальное пространство самодовольно-эгоистического потребления формирует моральных уродов, глухих ко всему на свете, кроме своих сиюминутных эмоциональных потребностей (*моя хата с краю — ничего не знаю, пусть работают лошади, дураков работа любит и т. п.*). Существуют субъективно-психологические факторы внешней социальной среды, непосредственно влияющие на качество воспитания как общественного явления:

¹ В переводе с латинского «инновация» означает «внедрение», а не новацию (отождествление инновации и новации — распространённая ошибка, это не синонимы!). А что внедрять — это вопрос содержания новации. Инновационность сама по себе ничего ещё не значит и самостоятельной ценностью не обладает!

1. Группа критериев: *Отношение к социальному времени — к прошлому и будущему*. Большинство негативных сторон в состоянии как индивидуального, так и общественного здоровья, равно как и сокращения продолжительности жизни за последние десятилетия связаны:

— с негативным воздействием многих средств массовой информации и коммуникации на общественное сознание и обыденную психологию;

— с укоренившейся практикой цинично-потребительской, антигуманной ломки представлений об историческом опыте человечества;

— с разрушением преемственности социальных традиций, с тенденцией к разрыву социокультурного диалога поколений;

— с откровенным издевательством над социальными идеалами целых поколений, над честным и самоотверженным трудом на благо Родины заслуживших право на уважение и почёт;

— с игнорированием элементарных норм и правил организации жизни людей, их взаимоотношений.

В ценностном измерении представления о порядочности, чести, долге, социальной ответственности связаны здесь с психосоматикой, с одной стороны (социальная медицина), с вопросами социального и нравственного воспитания — с другой (социальная педагогика).

2. Группа критериев: *Отношение к пространству — миру: Отношение к семье, коллективу, обществу*. Это факторы воспитания культуры здоровья, здорового образа жизни через мироощущение, мировосприятие, миропонимание, мировоззрение. К этой группе факторов следует отнести прежде всего различные аспекты социально-эволюционной сущности человека, связанной с ретрансляцией базовых социокультурных, «пространственно-предметных» знаний, умений и навыков — этики, этикета, эстетики, труда, гендерной и межкультурной коммуникации и др.

3. Группа критериев: *Отношение к себе как социальному индивидууму — личности*. Это важнейший предмет психогигиенической компетенции учительства. Предметом здесь выступают следующие феномены:

— усиление либо минимизация таких факторов риска нанесения — порой непоправимого — ущерба для здоровья, как социально-психологический аутизм, отрыв от реальности с погружением в виртуальные миры;

— сужение сознания, ригидность, алогизм и мозаичность мышления, болезненный эгоцентризм с гипертрофией амбициозности и безответственности;

— презрение к труду, невежество и некомпетентность в простейших бытовых ситуациях, слабая ориентировка в окружающем социальном и культурном пространстве;

— предвзятость, примитивизм и бессвязность суждений, чёрствость и жестокость по отношению к близким людям и т. п. — синдромы душевного — психического и социально-психологического нездоровья.

4. Группа критериев: *Личная гигиена*. Рациональное регулирование деятельности внутренних органов имеет в виду выработку полезных для здоровья культурных стереотипов, привычек в жизни, деятельности. Значение адекватной самооценки для здоровья человека велико, потому что оно является исходным элементом для формирования эмоций, формирования мотивации к здоровому образу жизни у детей, подростков и молодёжи. Адекватная самооценка собственного здоровья является ключевым жизненным навыком, компетенцией, умением соотносить результаты собственной деятельности с последствиями её реальной ситуации, а следовательно, это социальное качество, непосредственно связанное с профилактикой стресса.

5. Группа критериев: *Смысл жизни, самоопределение*. Выбор интересов, профессий, видов деятельности, соответствующих способностям, наклонностям и интересам. Это то, что называется смыслом жизни: «найти себя, своё амплуа, своё место в жизни». Самоопределение как мужчины, женщины, сына, дочери, отца, матери, гражданина, работника.

В современную эпоху субъекты образования не могут более рассматриваться в качестве пассивного материала вмешательства абстрактно-надличностных сил и отношений. Перефразируя известные слова Маркса, допустимо предположить, что образовательная среда, как и культура, если развивается стихийно, а не направляется сознательно, оставляет в конце XX и начале XXI века позади себя пустыню. Речь идёт не только о пустыне окружающей среды в прямом смысле слова, но также о трагически опасной «пустыне смыслов» ещё не нашего, но уже потерявшего себя социального индивида, дезориентированного в среде (и озлобленного средой) образования и «окаанной» жизнедеятельности, лишённой перспективы и смысла.

Если педагог ограничит себя рассуждением о природе человека вообще, вне того конкретного в содержании воспитания, без чего

абстрактно-всеобщее теряет свой смысл, то вопрос о саморазвитии и самовоспитании индивида будет продуктом «бумажной архитектуры». Воспитательное пространство — система открытая. В ней нет места жёстким каузальным, то есть однозначным, причинно-следственным связям в рамках логики «необходимое — случайное». Ни одна причина здесь не порождает однозначно выраженного следствия. Именно поэтому педагогика как область гуманитарного знания оперирует системами, в которых нельзя объяснять явления, исходя из анализа некоторых простейших, далее неразложимых факторов. В педагогике их просто нет.

Библиография

1. Вахтеров В. П. Избранные педагогические сочинения / Сост. Л. Н. Литвин, Н. Т. Бритаева. М., 1987.
2. Вахтеров В. П. Наши методы преподавания и умственный паразитизм. Текст / В. П. Вахтеров // Русская школа. — 1901. — № 1. — С. 186–206.
3. Вахтеров В. П. Предметный метод обучения. М. : Педагогика, 1987.
4. Вопросы воспитания: системный подход / Под общ. ред. д.п.н. Л. И. Новиковой. М. : Прогресс, 1981.
5. Выготский Л. С. Педагогическая психология / Под ред. В. В. Давыдова. М. : Педагогика-Пресс, 1996 (Психология; Классические труды).
6. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения в 2-х т. Т. 2. М., 1983. 320 с., ил. (Труды д. чл. и чл.-корр. АПН СССР).
7. Леонтьев А. А. Педагогика здравого смысла. «Школа 2000...» Выпуск 1. Концепции и программы непрерывных курсов для общеобразовательной школы. М., 1997.
8. Лернер И. Я. Развивающее обучение с дидактических позиций // Педагогика. — 1996. — № 2.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в 2-х т. Маркс К. Тезисы о Фейербахе. М. : ОГИЗ. Госполитиздат, 1948. Т. 2.
10. Новые ценности образования: культурные модели школ / Ред. серии Н. Б. Крылова, ред. выпуска Р. М. Люснер, Т. В. Анохина, М. М. Князева. М. : ИПИ РАО, 1997.
11. Развитие личности школьника в воспитательном пространстве: проблемы управления // Под ред. Н. Л. Селивановой / М. : Педагогическое общество России, 2001.
12. Современные гуманитарные подходы в теории и практике воспитания: сб. науч. статей / Сост. и отв. ред. Д. В. Григорьев, ред. Е. И. Соколова. Пермь, 2001. (ИТОиП РАО, Науч. центр совр. проблем воспитания, Перм. обл. ин-т повышения квалификации работников образования).

*КУБЛИЦКАЯ Елена Александровна,
кандидат философских наук,
ведущий научный сотрудник
сектора социальных индикаторов и
показателей федеративных и
межнациональных отношений,
ИСПИ РАН, Москва
eakubl@yandex.ru*

Направленность социальной активности населения мегаполиса / Trend of social activity of the megapolis population

Аннотация

Статья посвящена проблеме развития прогрессивных инновационных форм социальной активности личности в условиях радикального обновления государственной системы. Результаты социологического мониторинга (2007–2010 гг.) в столичном мегаполисе в процентной динамике и рейтинговом режиме выявляют объективные противоречия между необходимостью развития конструктивной прогрессивной социальной активности населения и его реальной социальной активностью, базирующейся зачастую на деструктивных, протестных формах проявления.

Ключевые слова

Формы социальной активности личности; уровень социально-го протеста населения; протестный потенциал населения мегаполиса; прогрессивная (регрессивная) форма социальной активности; территориальное общественное самоуправление.

Annotation

The issue of progressive innovative forms of personal social activity development in the context of radical renovation of the state system is considered. The results of the 2007-2010 monitoring in the megapolis

in active dynamics and rating process reveal objective contradictions between necessity to develop constructive progressive social activity of population and its actual social activity, being often based on destructive, rejecting forms of appearance.

Keywords

Forms of personal social activity; social protest level of the population; protest potential of the megapolis population; progressive (regressive) form of social activity; territorial public autonomy.

В условиях качественного преобразования российского общества проблема социальной активности масс и личности приобретает особое значение. Процесс радикального обновления государственной системы невозможен без вовлечения в него самых широких слоёв населения, без развития новых прогрессивных инновационных форм социальной активности. Между тем эта потребность российского общества не может считаться полностью удовлетворённой, так как обостряются противоречия между необходимостью развития конструктивной прогрессивной социальной активности населения и её реальной социальной активностью, базирующейся зачастую на деструктивных, протестных формах проявления.

Мы придерживаемся точки зрения тех авторов, которые считают, что понятие «социальная активность» имеет право на самостоятельное существование, но лишь как важнейшая характеристика «социальной деятельности». Социальная активность является существенной стороной социальной деятельности, характеризуя её количественную и качественную определённость.

Поскольку процесс формирования личности осуществляется через социальную деятельность, личность всегда в той или иной степени активна. Абсолютно пассивных личностей нет, но существуют различия в степени социальной активности и сфере её приложения.

Естественно, что личность не может вместить в себя многообразие всех форм и видов социальной активности, тем более в равной мере. Личность в одной области, сфере социальной деятельности может быть активной, а в другой — недостаточно активной и даже пассивной. Чем в большем числе видов социальной деятельности участвует личность, тем она социально активнее.

Социальная активность — это социально значимая деятельность, это система осознанных целенаправленных действий, совершаемых

в обществе. Социальная активность чрезвычайно многопланова и динамична, она может осуществляться в любых сферах общественной жизни, имеет различные направленность и интенсивность.

Социальная активность имеет сложную структуру, каждый элемент которой может быть объектом самостоятельного изучения.

Понятие социальной активности даёт представление о качестве социальности личности, уровне и характере её реализации.

Изначально появление устойчивого интереса к какой-либо сфере общественного бытия является показателем активного отношения личности к действительности. Интересы (осознанные потребности), преломляясь в человеческом сознании, закрепляются в нём в «форме» мировоззренческих взглядов, представлений, ценностных ориентаций и т. д., которые и обуславливают направленность социальной активности личности. Таким образом, ценностные ориентации мировоззренческой позиции личности выступают в качестве внутреннего регулятора социальной деятельности и социальной активности личности.

Однако интересы личности, ценности, которые она принимает, могут вступать в противоречие с интересами более широких социальных общностей и общества в целом. Тем не менее это не означает, что личность не является социально активной.

По своему содержанию, направленности на определённые ценности, по уровню их осмысления, по характеру и степени реализации социальная активность многообразна.

В научной литературе представлено несколько типологий социальной активности, в основу которых положены разные критерии. В данной статье использован следующий вариант классификации типов социальной активности.

Первое основание деления социальной активности — по признаку отношения социальной активности к генеральному, стратегическому направлению развития человеческого общества.

В этом случае выделяются:

1. Прогрессивная социальная активность, соответствующая генеральному направлению развития человеческого общества, основанная на общечеловеческих ценностях.

2. Регрессивная социальная активность, не соответствующая генеральному, стратегическому развитию человеческого общества.

Второе основание деления социальной активности личности — по признаку общественно-экономической и политической формации

государства: способствует данная социальная активность или препятствует сохранению и развитию конкретно существующего типа общества?

В этом случае выделяются:

1. Общественная социальная активность — такая социальная активность, которая способствует развитию и сохранению данного типа общества.

2. Антиобщественная социальная активность — социальная активность, препятствующая сохранению и дальнейшему развитию данного типа политической или экономической системы общества.

Третье основание деления социальной активности — по предмету или сфере социальной деятельности личности. Здесь принято выделять: трудовую (производственную), общественно-политическую, научно-художественную, семейно-бытовую, религиозную и многие другие формы социальной активности.

Эта типология, конечно, условна, но лишь в единстве, совокупности элементов представленной структуры возможно дать достаточно полную характеристику социальной активности личности, группы, общества.

Кроме того, тесная связь, взаимопроникновение форм социальной активности являются необходимыми условиями её существования и развития.

Давая краткое определение прогрессивной социальной активности, отметим, что это такая активность личности, где наивысшей ценностью является жизнь во имя общественных интересов, включённая в преобразование социальных и общественно-политических процессов.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что протестные формы социальной активности населения могут иметь прогрессивный и регрессивный характер.

Протестные массовые выступления населения многих регионов России в 2007 г. против реформы правительства монетизации льгот, например, на основании предложенной типологии можно характеризовать как прогрессивную, общественную социальную активность.

В современных условиях мы постоянно сталкиваемся с тем, что социальная активность приобретает ущербный характер, когда формы рассогласованные, не дополняют, а противостоят друг другу.

Распространёнными выражениями противоречивости социальной активности являются противопоставление, абсолютизация социальных ценностей того или иного уровня, например потребнос-

тей, интересов, ценностей отдельных общностей, общечеловеческим ценностям. Становление нового социального мышления, формирование новой гражданской идентичности предполагают преодоление данных противоречий, так как общечеловеческие ценности должны не отрицать, а учитывать интересы и ценности отдельных социальных общностей.

Изучение механизма становления социальной активности требует прежде всего анализа влияния «новаций общественной жизни», сформированных новых экономических, социальных и политических структур и институтов на направленность социальной активности населения. В частности, например, какие конкретно факторы способствуют росту протестных форм социальной активности населения г. Москвы?

Социологический поиск данного среза анализа вёлся через определение ряда агрегирующих показателей форм и направленности социальной активности:

- вербальной активности населения разными способами защищать свои права и интересы;
- рейтинговых форм социальной защиты;
- потенциала протестной социальной активности;
- потенциала функционирования прогрессивных форм социальной активности (ТОСов).

В табл. 1 в условиях мониторинга показаны формы социальной активности горожан в процентной динамике и рейтинговом режиме.

Таблица 1

**Готовность москвичей защищать свои интересы
и отстаивать личную безопасность**

(в % от числа опрошенных) Москва, 2007 г., 2008 г., 2010 г.

Формы социальной активности	2007		2008		2010	
	Население*	Ранги	Население*	Ранги	Население*	Ранги
Обращусь к друзьям, знакомым, родственникам	48	I	47	I	43	I
Буду сам отстаивать свои права	37	II	32	II	30	II
Обращусь к властям, в суд, в милицию	27	III	25	III	25	III

Обращусь в общественные и правозащитные организации	18	IV	19	IV	21	IV
Обращусь к частным охранным структурам	14	V	7	VI	8	VII
Обращусь к СМИ	13	VI	9	V	14	V
Выйду на митинг, демонстрацию	7	VII	5	VII	8	VII
Буду участвовать в забастовках, акциях протеста	6	VII	5	VII	12	VI
Обращусь к криминальным структурам	4	VIII	4	VIII	6	VIII
Готов участвовать в насильственных действиях	4	VIII	6	VI	7	VII
Ничего не буду делать	13	–	4	–	6	–
Мои интересы достаточно защищены	8	–	13	–	9	–

Источник: Московский институт социально-культурных программ, сектор социальных индикаторов и показателей федеративных и межнациональных отношений ИСПИ РАН.

*Сумма ответов в столбце превышает 100%, так как респондент мог указать несколько вариантов ответов.

На вопрос «Что Вы готовы предпринять в защиту своих интересов?» почти половина респондентов ответила: «Обращусь за помощью к друзьям, знакомым, родственникам». Не удивительно, что в условиях кризисных процессов, затронувших все структуры властных отношений снизу доверху, позиция «готовность защищать свои права и решать проблемы безопасности через межличностные связи» заняла первое место в рейтинге номинированных форм социальной активности и в 2007, в 2008 и в 2010 годах (48%, 47% и 43% соответственно). Среди изучаемых социальных групп к помощи друзей и родственников прибегают в первую очередь: коренные москвичи, женщины, горожане возрастных категорий старше 60 лет и мужчины в возрасте 25–29 лет.

Вторую позицию в рейтинге форм социальной активности, как и четыре года назад, занимает «личная инициатива»: «Буду сам отстаивать свои права» (37% — в 2007 году, 32% — в 2008 году и 30% — в 2010 году).

Третью позицию по значимости занимает «обращение за помощью в государственные органы» (27%, 25%, 25% соответственно в 2007, 2008, 2010 годах). Форма социальной активности — «обращение в общественные и правозащитные организации» всё также остаётся на четвёртой позиции (18%, 19%, 21% соответственно в 2007, 2008, 2010 годах).

Рейтинг указанных форм социальной активности практически совпадает во всех исследованных нами субъектах Российской Федерации.¹ Результаты мониторинговых социологических опросов в Москве констатируют, что доля социально активных граждан, готовых защищать свои интересы, намного превышает долю социально пассивных граждан. Надежда населения на помощь со стороны властных структур значительно меньше, чем на неформальные, индивидуальные формы защиты. Тем не менее эмпирические данные социологического исследования 2010 года показывают рост, хотя и незначительный, обращений жителей за защитой к общественным, правозащитным организациям и средствам массовой информации.

Определён социальный портрет респондента с активной жизненной позицией. Это мужчина в возрасте 19–24 лет и 40–59 лет среди интеллигенции, не занятой на производстве и ИТР. *Растёт гражданская инициатива.*

Социальный портрет «индифферентного», «пассивного» респондента — это женщина старше 50 лет, с неполным средним или высшим образованием, служащая или пенсионерка, с самым низким уровнем материального дохода.

¹ Социологические исследования проводились Отделом федеративных и региональных отношений ИСПИ РАН в 11 субъектах федерации в режиме мониторинга с 2003 по 2007 год в республиках Северного Кавказа (Ингушетии, Северной Осетии — Алания, Карачаево-Черкессии), республиках Центральной России (Мордовии, Башкортостане), Ярославской, Тюменской, Воронежской, Томской, Мурманской и Вологодской областях. В 2008, 2010 годах — в Москве, Осетии-Алания, Мордовии, Башкортостане. Общий объём выборочной совокупности среди населения составил 14 тыс. 400 ед.

Показатель социальной пассивности варьируется между 4% и 13%. Основная причина социальной апатии зиждется на уверенности этих граждан в бесперспективности и бесполезности своих действий. Не последнюю роль здесь играет слабая информированность и отсутствие опыта борьбы по защите своих интересов.

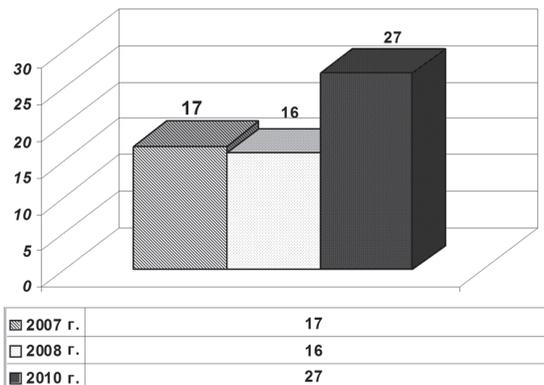
По данным всероссийских исследований ИСПИ РАН 2007 и 2009 годов, а также исследований в субъектах Российской Федерации, приведённых в ИСПИ РАН в 2003–2010 годах, продолжается рост протестной социальной активности населения.

В нашем исследовании 2008 года отмечалось, что в столице России вербальная готовность москвичей отстаивать свои права в конфликтных формах была значительно ниже, чем в других регионах РФ. Кроме того, в мегаполисе намечалась тенденция к её снижению. Однако к 2010 году москвичи «догоняют» другие регионы России по росту процентного потенциала социальной активности в форме массовых выступлений (митинги, демонстрации, акции протеста). К 2010 году он увеличился на 11 п. п. (в процентных пунктах) и составил 27% от опрошенных (см. диаграмму 1).

Определяя социальную базу «протестных групп» населения, выявлено, что это прежде всего коренные москвичи, мужчины русской национальности, в возрастных категориях от 14 до 49 лет, из среды рабочих (49%), ИТР (34%), предпринимателей (32%).

Диаграмма 1

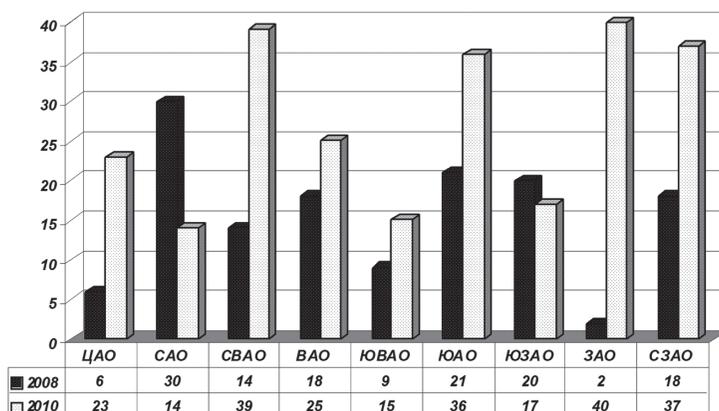
Протестный потенциал социальной активности москвичей в формах массовых выступлений (митинги, демонстрации, забастовки, акции протеста, в т. ч. насильственные)
(в % от числа опрошенных) Москва, 2007 г., 2008 г., 2010 г.

Наиболее ярко выражена социальная активность населения, когда затронуты жизненно важные проблемы бытия. В условиях продолжающегося социально-экономического и финансового кризиса (инфляция, рост цен, падение уровня жизни и т. д.), значительная часть москвичей считают вполне вероятными массовые выступления в месте их проживания. В диаграмме 2 наглядно продемонстрирована динамика роста за три года протестного потенциала в территориальных округах Москвы.

Диаграмма 2

**Протестный потенциал социальной активности москвичей
в округах г. Москвы в формах массовых выступлений**
(в % от числа опрошенных) Москва, 2008 г., 2010 г.

Источник: Московский институт социально-культурных программ, сектор социальных индикаторов и показателей федеративных и международных отношений ИСПИ РАН.

Наиболее активно населением поддерживаются массовые выступления в следующих четырёх округах г. Москвы: (ЗАО — 40%, СВАО — 39%, СЗАО — 37%, ЮАО — 36% от опрошенных). В некоторых округах прожективная готовность населения участвовать в протестных формах социальной активности выросла в несколько раз (ЗАО, СЗАО, ЦАО, САО, СВАО, ЮАО).

На основании вышеизложенного можно сделать вывод не только о росте протестного потенциала, но и о высокой степени готовности москвичей к акциям социального протеста для защиты своих интересов и ценностей. Расширение социальной базы протестной активности свидетельствует о возможности «социального взрыва».

«Радикалы-революционеры» — мобильная, социально активная группа с ярко выраженными формами проявления социального протеста. И всё-таки группы социального протеста (по результатам социологического анализа) более склонны к самоорганизации, заинтересованы в позитивном социально-экономическом строительстве гражданского общества, имеют более чёткую, сформированную позицию по целому спектру проблем жизнедеятельности российского государства, его политической системы. Они способны сыграть значительную роль в конструктивной консолидации общества.

Библиография

1. Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1980.
2. Деев Н. Н. Самодетельные инициативные объединения в системе социалистической демократии // Политическая система: вопросы демократии и самоуправления. М. : ИГПАН, 1988. С. 40—48.
3. Золотухин А. В. Формы проявления социальной активности населения на местном уровне: Материалы к спецкурсу «Местное самоуправление как объект социально-психологических исследований». Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2004.
4. Кублицкая Е. А. Преодоление религиозно-националистических предрассудков в мировоззрении и социальной активности индивида (на материалах социологических исследований Северной Осетии) / монография в соавторстве с Дзуцевом Х. В. / депон. в ИНИОН, 1988.
5. Кублицкая Е. А. Реформирование местного самоуправления и перераспределение властных полномочий // Россия на пути к возрождению: социальная социально-политическая ситуация в России в 2003 году. ИСПИ РАН, 2004.
6. Кублицкая Е. А. Реформирование системы самоуправления — фактор национальной безопасности Российской Федерации // Россия: центр и регионы. Вып. 14. М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2004.
7. Кублицкая Е. А. Реформирование и развитие местного самоуправления // Россия: глобальные вызовы и локальные риски. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2004 году. ИСПИ РАН, 2005.
8. Кублицкая Е. А. Развитие системы местного самоуправления // Наука. Культура. Общество — № 1. М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2006.
9. Хайкин В. Л. Феномен активности в развитии личности. Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001.
10. Яницкий О. Н. Гражданские инициативы и самодеятельность масс. М. : Знание, 1988.

КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ

*ГУЛИМОВА Анастасия Николаевна,
аспирантка кафедры культурологии
и культурной прагматики,
Гуманитарно-социальный институт, Москва
kafedra-kult@mail.ru*

Культурный герой как организующее начало социального пространства: гендерные характеристики / Cultural hero as the organizing principle of social space: gender descriptions

Аннотация

В статье показано, что в период перехода от родового общества к раннегосударственному проявлялось изменение социальных и культурных доминант при замене женских верховных божеств мужскими. Мифы о появлении и обустройстве мира связаны с господствующими в обществе социальными отношениями и являются их отражением. Динамика изменения таких представлений является показателем детерминирующего влияния социальных факторов на культурные и кросс-культурные процессы.

Ключевые слова

Культурный герой; архетип; Великая Мать; матриархат; патриархат; миф; первопредок.

Annotation

The article suggests that a change in social and cultural dominants became apparent with the replacement of female supreme gods by male ones during the shift from the tribal to the early state society. Myths about world creation and arrangement are connected with social relationships prevailing in society and serve as their reflection. Trends

of development of such ideas show the determining influence of social factors on cultural and cross-cultural processes.

Keywords

Cultural hero; archetype; Mother Divine; matriarchy; patriarchy; myth; symbol.

Одним из наиболее архаичных проявлений архетипического образа культурного героя является образ Великой Матери. Его наиболее ранние варианты относятся к обществу охотников и собирателей. Из верований кагаба — южноамериканской народности, живущей в Колумбии, — известен текст о первоначальной Великой Матери — создательнице мира и всего в нём. Знаком этой богини являются песни и танцы, именно с их помощью богини данного класса создавали мир.

Отметим, что у этой богини нет культа, к ней не обращаются с обычными молитвами, но, когда засеваются поля и жрецы расппевают свои гимны, кагаба говорят: «И тогда мы думаем об одной-единственной матери всего растущего, о матери всех вещей». Великая Мать как культурный герой предстаёт перед нами первоосновой Вселенной, можно сказать, является основой социальной структуры. В одном из австралийских мифов образ Великой Матери как культурного героя предстаёт во всей своей архаической полноте: она создательница мира, прародительница людей, она ответственна за перерождение души человека и его судьбу, она дарительница жизни. Оказывается, что Великая Мать связана как со змеиной символикой, так и с водной стихией, которая у большинства народов считалась стихией перворождения. Богиня отвечает за социальную структуру, жизнеобеспечение и устанавливает правовые нормы.¹

Подчеркнём, что с установлением категории социальной структуры и жизнеобеспечения уже появляются в ранге богов мужские персонажи, на этом этапе мифотворчества появляется мужской персонаж (Баррайя) — носитель фаллического символа — копья, который способствует рождению мира, но его роль в самом творении достаточно незначительна. Очень близкий по содержанию миф сохранился на Африканском континенте у народности фон, которая

¹ Альбедиль М. Ф. В магическом круге мифов. СПб. : Паритет, 2002. С. 93–94.

находится на том же уровне развития социальных отношений, что и австралийские племена.

Интересно, что африканцы-фон именно эту богиню считали мифическим предком, сотворившим мир. Она, как и в австралийском мифе, является богиней Матерью, прародительницей, и имеет ту же змееобразную форму, поскольку змея архетипически связывалась с землёй, с которой органически связывалась и богиня Мать, поэтому в наиболее архаических мифах богиня-прародительница имеет змеиный облик. В таком облике она сохранилась у майя, где верховная богиня представлялась в виде женщины со звериными лапами и змей на голове. Древнемексиканская богиня Мать Чуакоатль изображалась с ребёнком на руках и считалась «женой змея». Иногда такие богини изображались со змеями, как например критские богини, этрусская Менрва и римская Минерва, греческая Афродита и Геката (см. ниже) и т. д.¹

Исторический и культурный контекст развивался так, что когда родоплеменные отношения стали заменяться государственными или раннеклассовыми, вступили с ними в противоречие, символ змеи «перешёл» к мужскому персонажу. При этом в обществах, где условия жизни требовали напряжения всех социальных усилий, роль мужского персонажа как культурного героя заметно возрастает, особенно это связано с кочевыми обществами. Так, например, у некоторых австралийских аборигенов, не привязанных к конкретной территории, змея может иногда связываться с мужчиной. Змей в период становления военной аристократии становится противником бога-громовника — покровителя военной аристократии, что влечёт за собой появление многообразия мифов о змееборчестве и диаметральною смену культурного героя.

Впоследствии, при стабилизации государственного правления и появлении ранних форм монархий именно змей становится одним из атрибутов царской власти, как, например, урей египетских фараонов или дракон китайских императоров. Известно, что дракон являлся эмблемой императорской власти, а также обозначал верховного мужчину в ритуалах. Немногие мифы сохранили изначальную роль

¹ Элиаде М. Священное и мирское // Элиаде М. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении. Образы и символы. Священное и мирское / Пер. с фр. М. : Ладомир, 2000.

женщины-богини — создательницы мира, близкую к роли в выше-приведённых мифах. К числу последних можно отнести бурятский миф, где Мать-божество сама собой зародилась у основания золотой ивы, сотворила из морских пучин могучую рыбу кита и водрузила на её спину землю.

Зооморфизм богини или бога являл собой своего рода типичный признак появления данного персонажа в мифологической системе ещё до эпохи земледелия, когда охота являлась основой жизнеобеспечения племени. Тогда же появился культ тотемических предков, в данном случае животное или растение, связанное с преодолением такого значимого для жизнеобеспечения племени периода, как голод, могло соотноситься с идеей спасителя, защитника, тотема племени и даже сопоставляться с прародителем — первопредком, особенно, если имело значимые для племени и его адаптации к соответствующей окружающей среде качества. Однако Великая богиня не покровительствовала роженицам, это может быть объяснено тем, что племена, живущие охотой и собирательством или практикующие примитивное земледелие, не были заинтересованы в росте общины и в повышении рождаемости по принципу ограниченности ресурсов области обитания.

Интересно, что в современной Африке, Америке, Сибири зафиксированы ритуалы имитации убийства зверя с целью обеспечения успешной охоты, причём в них участвовали женщины, которым отводилась особая магическая роль. При рассмотрении изменения функций и облика культурного героя в родоплеменном обществе при дальнейшем развитии сюжета сотворения мира можно заметить, как происходит постепенное вытеснение женского персонажа как создательницы мира из мифологических систем при развитии родоплеменного общества, а следовательно, и из его социальных систем, при этом миф является установленной нормой и, следовательно, закрепляет в правовом отношении вытеснение женщины из властных органов в социальной структуре общества.

Традиционно известно, что до введения земледельческих культур в мифологической картине мира богиня Мать рассматривалась как единая или главнейшая создательница мира и людей, а функции, связанные с социальными структурами, такие как распределение социальных ролей и власти, жизнеобеспечение, продолжение рода, правовые нормы, в первую очередь, относились к ней. Преоб-

разование образа культурного героя начинается при возникновении земледелия, но ещё в доклассовом обществе, основной упор при этом делается на функцию жизнеобеспечения. Анализ типичных для этого периода примеров дал основание Б. А. Рыбакову и М. Гимбутас сделать вывод о том, что у племён раннеземледельческих культур существовало представление о некоей верховной богине — прародительнице и властительнице всей живой природы, подательнице плодородия, хозяйке небесных вод.¹

Богиня — прародительница людей согласно сюжету ряда мифов создаёт время и движение, а затем поднимает из воды сушу и первый свет, впоследствии она занимается социальными проблемами — расселением людей. Культ данной богини носит космогонический характер, однако сама богиня носит имя основного продукта питания и земледелия и в этом плане становится дарительницей жизни. В качестве показательного примера приведём миф из описания обряда, о котором индеец пауни Четыре Кольца рассказал доктору Мелвину Гилмору.

Прежде чем возник Мир, мы все были во чреве Земли.
Мать Кукуруза вызвала движение. Она дала жизнь.
Получив жизнь, мы направились к поверхности:
Мы встанем прямо, как люди!

Впоследствии М. Вейгле рассмотрел деформацию функций культурного героя, связанных с основным тематизмом в культуре на примере верований племён индейцев юго-запада США. По мнению учёного, у индейцев зуни кукурузные девы приобретают своеобразную иконичность: они имеют кисточки на голове, а их дети представляются зрелыми початками, которые они держат в руках. Согласно одной из легенд в начале времён кукурузные девы, дав людям кукурузу, вознеслись на небо и стали звёздами Малой Медведицы, за ними сохраняется функция плодородия и покровительства. Зуни начинают сажать кукурузу при свете этих семи звёзд, когда они находятся прямо над головой, иными словами, пространственная парадигма имеет для зуни первостепенное значение, так как указание на время

¹ Рыбаков Б. А. Из истории культуры Древней Руси. Исследования и заметки. М. : Изд-во МГУ, 1984. С. 33–35.

посева связывается непосредственно с расположением Звёзд-Матерей над территорией зуни¹.

В финно-карельской космогонии переход от женских богинь Матерей к мужским происходит в период полной победы христианства и развитого государственного строя. Традиции и мифология финнов и карел для нас важна потому, что она имеет много общего с традиционной славянской культурой северо-запада Европы. Понимание многих черт исконного видения мира различными народами невозможно без анализа их культурных и народных героев, именно поэтому ниже приводится краткий обзор, дающий целостное представление о некоторых общих тенденциях. Так, например, в прибалтийско-финской группе, имеющей наибольшее количество известных материальных и песенно-эпических памятников, складывается следующая картина: Демиург велит водоплавающей птице, или младшему брату в облике птицы, плавающему по первичному океану, достать со дна моря щепотку земли. Из неё Демиург творит Землю и всё полезное на ней, а его брат из части земли, утаённой во рту, создаёт горы и всё злое на Земле. Можно встретить и иной вариант космогонии — творение из яйца, снесённого птицей (в финской, карельской, эстонской, саамской, коми мифологиях).

Впоследствии развитие космогонических представлений о рождении мира и связанного с ними культурного героя может иметь и двоякую тенденцию, которая была сформулирована средневековыми схоластиками: «Что первично? Курица или яйцо?» Известно, что первое направление рождения космоса от Великой Богини связывалось с идеей противопоставления земли и неба, т. е. возникновения бинарной оппозиции мужского и женского начал с постепенным подчинением женского мужскому.

Иной вариант такого противопоставления стал следствием возникновения из единого мира принципов добра и зла, имеющих при развитии мифологемы выражение в таких мировоззренческих системах, как зороастризм с противопоставлением Ахамуразды Охриману, или Чернобога Белобогу у славян, или Бога и Сатаны в христианстве, или Богов и Асуров в индуизме. Птица — прародительница мира, как зооморфное выражение богини Матери, как будет показа-

¹ Элиаде М. Священное и мирское // Элиаде М. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении. Образы и символы. Священное и мирское / Пер. с фр. М., 2000. С. 431–463.

но ниже, предстаёт в образе чёрного и белого начал, при этом тёмное начало, всегда соотносимое с женскими персонажами, добывает землю из Первовод, с которыми соотносится. Следует отметить, что творение всегда начинает приписываться началу светлому, а чёрное с позором изгоняется.

Впоследствии данное направление в мифе Созидания связывается с символикой Яйца, откуда и появляется идея непознанного хаоса, тенденция смены гендерных ролей приводит к созданию из Хаоса вначале Мужского персонажа (в некоторых мифах он сам создаёт Хаос, а следом Космос). Идея Первовод как изначально женского начала в ряде случаев абстрагируется, а при ранних государственных системах рассматривается как чудовище, из которого творит мир мужской персонаж, как вавилонский Мардук из тела праматери Тиамат. Подобным образом можно проследить тенденцию смен культурного и народного героя, причинами этого являются активное освоение пространственно-временного континуума и соотношение его с социальной структурой. Основные функции богини Матери, связанные с жизнеобеспечением и продолжением рода, отходят на второй план, в мифологических структурах ещё в эпоху родоплеменного строя на последних этапах его развития начинает доминировать социальное над природным, распределение социальных ролей перед функцией жизнеобеспечения. Впоследствии это является предпосылкой появления ярко выраженной родовой аристократии и зарождения государственных отношений.

Интересно, что в некоторых мифологических системах развитие понятия Хаоса смешивается с принципом бинарных оппозиций, происходит слияние двух направлений развития мифологического сюжета. Боги принимают вид философских категорий, таких как тьма и свет, и их соотношением творится мир, причём их смешение имеет характер созидания. Отметим, что смена культурных героев в мифологических системах не зависит непосредственно от самого уровня социального развития общества, это видно на примере развития мифологии у индейцев Томпсона и в средневековой Индии. Причиной смены культурных героев в первую очередь является ситуация напряжения в обществе, связанная с социальными или природными причинами.

Впоследствии динамика изменения гендерных ролей в мифах создания мира в эпоху родоплеменного строя позволяет заключить, что женские персонажи к концу периода становления и развития

родоплеменных отношений утрачивают ведущие позиции во властных структурах. Таким образом, весь период родоплеменного строя можно разбить условно на три этапа. На первом этапе торжествует зооморфный культ Великой богини, которая определяет характеристики социальной структуры, при этом мотив жизнеобеспечения выражен крайне слабо, жизнеобеспечение связывается с освоенной локальной территорией, которой и покровительствует богиня. Установленные правовые нормы выражаются на этом этапе в виде табу — запретов.

Интересно, что во время второго этапа на социальном уровне и на уровне жизнеобеспечения богиня Мать как культурный герой занимает ведущее место в системе миростроительства. Однако при развитии родоплеменного общества и выделении отдельных социальных и профессиональных групп социальная роль богини уменьшается. Возникают подчинённые и паритетные ей мужские персонажи, ведущую роль играет жизнеобеспечение, а социальная структура находится в подчинённом положении. На третьем этапе при развитии культурно-социальной среды происходит постепенное выделение двух основных мотивов возникновения мира: первый связан с зооморфным выражением богини, второй вызывает постепенное вытеснение богини мужским персонажем.

Безусловно, устойчивое социальное превосходство женских культурных героев связано со стабилизацией общества на определённой территории. Нарушение границ такой территории за счёт развития различных социальных и профессиональных групп требует внешнего контакта, для обмена или иной деятельности выводятся на ведущее место в мифологических системах мужские персонажи как более приспособленные к активным внешним взаимодействиям.

Проанализировав изменение ролей культурного героя в мифологических системах родоплеменного общества, проследим данное изменение ролей в обществе переходного типа. Под переходным типом понимается этап становления родовой военной аристократии в период создания государственных образований, к переходному этапу по всем основным показателям изменения гендерных ролей относится и период становления ранних империй. Общей детерминантой такого сопоставления выступает выдвижение на первые социальные роли функционально активной воинской элиты, власть передаётся по наследственному признаку, а не через выборные институты.

Отметим также особенность космогонических мифов переходного периода: космогонический миф киче, так и мифы индейцев зуны и древних скандинавов, системы сотворения мира наиболее разработаны и детальны даже по сравнению с космогоническими системами развитых государственных образований. Это наводит на мысль о том, что мифы сотворения в обществе переходного типа при строительстве новых социальных структур и отношений являлись своеобразной моделью самого социального строительства и выражали устанавливающиеся правовые нормы для подтверждения социального целого. Роль жизнеобеспечения здесь отходит на второй план по сравнению с мифами предыдущего исторического периода, а на первое место выступает социальная структура и правовые нормы.

Отметим также, что тенденция переходного периода от родоплеменных к государственным отношениям влекла за собой изменение гендерных ролей в мифологических системах.

Подводя итоги сказанному, отметим, что постепенная замена ведущего женского персонажа мифологической системы в переходный период от родоплеменного общества к государству проходила в следующих основных направлениях:

- осуществлялась прямая замена женского персонажа мужским, как в случаях с хеттскими божествами Солнца или малоазийским Дионисом;
- торжествовал паритет женского родового и мужского божества с последующим выдвиганием при развитии социальных отношений на первое место в пантеоне мужского царского божества — покровителя военной аристократии;
- появились тенденции переноса функций культурных героев на народных.

Библиография

1. Альбедиль М. Ф. В магическом круге мифов. СПб., 2002.
2. Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М. : Наука, 1982.
3. Рыбаков Б. А. Из истории культуры Древней Руси. Исследования и заметки. М., 1984.
4. Элиаде М. Священное и мирское // Элиаде М. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении. Образы и символы. Священное и мирское / Пер. с фр. М., 2000.
5. Paul Radin. Monotheism among Primitive Peoples. New York, 1998.

*СЕРГЕЕВ Владимир Владимирович,
кандидат социологических наук,
докторант, Институт социально-
политических исследований РАН,
заместитель директора,
Московский институт
социально-культурных программ
Vvs2004@bk.ru*

Русский язык и культура / Russian language and culture

Аннотация

Статья представляет собой анализ результатов социологических исследований «Русский язык и культура», «Культура Москвы: научный прогноз и ожидания населения», проведённых Московским институтом социально-культурных программ. Рассматриваются традиции культуры, их отражение в русском языке, влияние на культурное воспитание москвичей. Проводится философский и социологический анализ этих явлений как важнейших факторов развития российского общества на современном этапе.

Ключевые слова

Русский язык; культура; прогноз; традиции культуры; ценности.

Annotation

The article presents the analytical results of sociological surveys «Russian language and culture», «Culture of Moscow: scientific prognosis and expectations of population» conducted by Moscow Institute of Socio-Cultural Programs. Cultural traditions and their reflections to Russian language, their influence to cultural education of the youth are considered. The philosophical and sociological analysis of these appearances as the most important factors of modern Russian society development is conducted.

Keywords

Russian language; culture; prognosis; cultural traditions; values.

Язык — не только средство общения, передачи знаний, это и форма, и среда обитания, и средство существования, самосохранения и поступательного развития нации. Мы живём родным языком, им мы связаны со своим прошлым, своей родословной, и с настоящим, и даже с будущим. В решающей степени мы ощущаем себя русскими и принадлежащими своему роду, Родине через родную речь. Русский язык раскрывает нам глубины нашей истории, богатства русской словесности, устного и письменного творчества, образовывает нас, в конечном итоге делает нас теми, кто мы есть, — гражданами, детьми великой страны, наследниками и продолжателями великой культуры и великой истории.

В связи с распадом Советского Союза, политическими и социальными переменами в России русский язык переживает значительные трансформации. И это, как показали результаты исследования, не оставляет равнодушными россиян, жителей столицы. Среди современных процессов, происходящих в речевой коммуникации, их более всего беспокоит растущая безграмотность населения (52,2%),¹ на втором месте — нарушение традиционных для Москвы норм произношения (43,1%), связанное с массовым притоком мигрантов из отдалённых уголков страны, носителей местных диалектов, а также граждан ближнего зарубежья, плохо знающих русский язык. На третьем месте по уровню обеспокоенности — невыразительность речи (40,5%), на четвёртом — необоснованное заимствование иноязычных слов (35,5%). Далее следует обеднение словарного запаса населения (32,9%), напрямую связанное с растущей безграмотностью и засильем иноязычных слов. Характерными явлениями для современного русского языка являются также жаргонизация сфер бытового и публичного общения (это отмечают 26,7% участников опроса), «огрубление» речи в СМИ (что отмечают 22,9%) и засорение языка просторечиями и разговорной лексикой, активно используемой СМИ (18,8% респондентов огорчает этот факт) и таким образом внедряемой в обиход россиян.

¹ Социологическое исследование «Русский язык и культура», Московский институт социально-культурных программ, Москва, 2009 г., выборка — квотно-случайная. N=682.

В последние два десятилетия русский язык претерпел серьёзные трансформации, изменилось состояние культуры речи. В особенности эти процессы характерны для больших городов, мегаполисов России. Как в этом смысле обстоит дело в Москве? Большинство самих москвичей негативно оценивают сложившуюся ситуацию — 57,4% из них считают, что она несколько ухудшилась (34,9%) или значительно ухудшилась (22,5%). Практически каждый десятый (9,4%) не замечает каких-либо изменений в состоянии культуры речи в столице, а 5,6% придерживаются мнения, что ситуация в этой сфере даже значительно улучшилась (5,3%) или несколько улучшилась. Чуть больше четверти опрошенных затруднились дать определённый ответ.

При этом, критически оценивая ситуацию в целом, большинство москвичей (52,2%) считают свою речь скорее культурной, чем нет, а 17,0% — культурной. Лишь 4,1% не признают свою собственную речь культурной. Сомневающихся в ответе на этот вопрос оказалось 15,5%.¹

Мнения респондентов относительно состояния речевой культуры на современном этапе общественного развития во многом совпадают с исследованиями учёных в этой области. Отмечая положительное воздействие на состояние языка новых общественно-политических реалий, отмену цензуры, свободу высказываний личного мнения каждого, культурную открытость России внешнему миру, доступность произведений зарубежной литературы, кино, театра, информации для граждан России, учёные — исследователи проблем культуры и языка в то же время фиксируют и отрицательные тенденции, такие как неточное употребление или искажение значений слов, стилистические нарушения, грамматические ошибки, употребление многим непонятных иноязычных заимствований, аббревиатур, проникновение жаргона в публицистическую и устную официальную речь, злоупотребление эмоционально окрашенной лексикой в официальной публичной речи.

Характерной чертой времени стало преднамеренное искажение устной речи, языка СМИ, литературы, театра, кино внутренне культурными людьми — политиками, работниками культуры и искусства.

¹ Социологическое исследование «Русский язык и культура», Московский институт социально-культурных программ, Москва, 2009 г., выборка — квотно-случайная. N=682.

Занижение стиля языкового общения, искажения, загрязнение языка вошло в моду (в качестве примера можно привести молодёжный или компьютерный слэнг).

В сложившейся ситуации социокультурная среда резким образом изменилась по отношению к ситуации двадцатилетней давности. Эти перемены наиболее решительно коснулись подрастающих поколений, оказавшихся оторванными не только от многовековых национальных культурных и языковых традиций, но и от культуры речи старших поколений, своих родителей. Сложилась ситуация, когда отцы и дети говорят на разных языках, часто не понимая друг друга.

Таким образом, можно отметить существование двух типов социокультурных связей и двух слоёв, даже разновидностей (вариантов) современной устной и письменной речи. Первый тип опирается на традиции национальной культуры и культуры речи. Второй тип бесцеремонно отвергает эти традиции, провозглашая их устаревшими и ломая, коверкая, засоряя родную речь жаргонами, вульгаризмами, компьютерным слэнгом, немыслимым сочетанием русских слов и англицизмов и т. п.

На вопрос о том, какие качества должны быть присущи культурному человеку, ответы распределились следующим образом.¹ Вежливость отметили 70,7% респондентов. Половина участников исследования (49,9%) наиболее характерной чертой культурного человека считают культуру речи. Почти столько же (45,5%) — образованность. Каждый третий (39,6%) считает важнейшей чертой культурного человека нравственность, каждый пятый (22,9%) — эрудированность. Толерантность считают необходимой культурному человеку 17,9%, а духовность — 14,7% москвичей. Распределение ответов на этот вопрос свидетельствует о поверхностности представлений большинства участников исследований о важнейших характеристиках культурного человека. На первом месте в их оценках оказались второстепенные черты, такие как вежливость, культура речи, образованность, и на самом последнем — такое необходимое, основополагающее качество личности как духовность.

Так выглядит распределение ответов по общему массиву. По результатам двумерного анализа полученных данных сложилась следующая картина (см. табл.).

¹ Социологическое исследование «Русский язык и культура», Московский институт социально-культурных программ, Москва, 2009 г., выборка — квотно-случайная. N=682.

«Как Вы считаете, какие качества должны быть присущи культурному человеку?» Считаете ли Вы свою речь культурной?»

Какие качества должны быть присущи культурному человеку?	Считаете ли Вы свою речь культурной?					Всего
	Да	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет	Затрудняюсь ответить	
Вежливость	60,3%	72,5%	73,0%	50,0%	79,2%	70,6%
Эрудированность	22,4%	25,3%	13,5%	28,6%	20,8%	22,9%
Образованность	51,7%	44,9%	54,1%	28,6%	39,6%	45,6%
Нравственность	44,8%	46,6%	21,6%	28,6%	24,5%	39,4%
Культура речи	48,3%	51,7%	45,9%	57,1%	47,2%	50,0%
Толерантность	12,1%	16,9%	32,4%	14,3%	18,9%	17,9%
Духовность	19,0%	14,0%	8,1	14,3%	15,1%	14,4%
Затрудняюсь ответить	0,0%	0,0%	2,7%	0,0%	1,9%	0,6%

Отечественная история свидетельствует о том, что роль культуры всегда актуализируется, приобретает решающий характер именно в переломные моменты развития страны, оказывая эпохальное гуманизирующее и стимулирующее воздействие на государство и общество и консолидируя их для решения глобальных задач. Но в то же самое время культура переживает кризисные явления, возрастающее давление антикультурных проявлений в мятущемся обществе. Какой выйдет культура из состояния кризиса — окрепшей и приобретшей новые яркие черты или ослабленной, утратившей былую силу и величие — зависит от множества факторов — социальных, политических, экономических и т. п.

Сфера культуры — это всё духовное и материальное богатство нашей жизни, это сложная совокупность социальных институтов, функционирование которых обеспечивает решение важнейших социальных задач, выдвигаемых государством и обществом, таких, например, как развитие общественных отношений, формирование устойчивой социальной структуры, выработка и внедрение в общественное сознание позитивных образцов и моделей поведения, обеспечение консолидации общества, наконец, воспитание самого человека. Оценивая роль культуры для развития государства и об-

щества, 58,2% москвичей называют эту роль ведущей и 21,4% — значительной.¹

Сохранение и создание новых культурных ценностей и, главное, формирование подлинной культуры человека связаны с направленным характером деятельности субъектов творчества, формированием позитивного отношения как к традиционным, так и инновационным культурным ценностям.

Соответственно этому основная задача в сложившейся социокультурной ситуации состоит в обеспечении государства и общества такими знаниями, идеями, теориями, практическими программами, которые способны не только отразить и объяснить происходящие в сфере культуры процессы, но и помочь восстановлению утраченного культурного пласта при решении задач культурного строительства и культурного воспитания.

Нереализованный культурный потенциал тормозит духовное и материальное развитие государства и общества.

Социально-культурная сфера как объект управления характеризуется в первую очередь следующими основными особенностями:

- разнообразием социальных связей, реализуемых внутри данной сферы;
- охватом самых различных социальных (социально-демографических) и этнических групп;
- качественным разнообразием структурных элементов (театры, библиотеки, музеи и т. д.);
- многокритериальностью оценок эффективности социально значимых целеполагающих установок деятельности культурно-досуговых учреждений.

Сеть учреждений культуры Москвы насчитывает сотни объектов, многие из которых являются уникальными.

И объективно, и по мнению самих москвичей, возможностей для культурного развития человека в Москве достаточно, и культурная активность москвичей по мере стабилизации социально-экономической ситуации в стране возрастает. По данным Московского института социально-культурных программ, молодые москвичи стали посещать чаще театры — 21%, музеи и выставочные залы — 16%,

¹ Социологическое исследование «Культура Москвы: научный прогноз и ожидания населения», Московский институт социально-культурных программ, 2007, Москва, выборка — квотно-случайная. N=897.

кинотеатры — 26%, библиотеки — 15%, концертные залы — 15%, парки — 33%, дворцы и дома культуры — 17%, стадионы — 17%. Они это связывают с тем, что больше появилось свободного времени (25%), средств (17%), этого потребовала работа (16%), учёба (15%), появились новые друзья, компания (12%), лучше стали работать учреждения культуры (13%).¹ При этом молодёжь оценивает ситуацию более положительно, чем представители старших поколений.

Культура — это основа, стержень государственности, это дорога, по которой любая нация продвигается из прошлого через настоящее в будущее. Насколько то, что мы делаем, было нужно людям — актуально, современно, созвучно эпохе, событиям, происходящим в нашей стране и мире, насколько помогало людям жить, делало их духовно богаче, добрее, человечнее — покажет будущее. Но мы живём и работаем в сегодняшнем времени, в современном, реальном контексте.

И в связи с этим возможно отметить, что, на наш взгляд, как и на взгляд учёных-культурологов, политиков, практиков, маятник развития экономических, общественных, а вместе с тем и культурных процессов двинулся от очередного революционного отрицания всего и вся к созиданию.

Говорят, когда звучат орудия, музы молчат. Похоже, что орудия ожесточённых политических баталий почти отгремели, и наступает наконец благодатное время муз. Как готовы мы к этому времени? Что сделали и что делаем для того, чтобы достойно, в полной мере и на высоком уровне удовлетворить заметно возрастающий и интеллектуализирующийся культурный спрос населения, не предлагая ему вместо подлинной культуры, вместо высокого искусства что-то избитое и надоевшее либо нечто суперэпатажное и имеющее мало отношения к подлинной культуре и искусству?

Однако, судя по всему, мы не до конца ещё переболели «детской болезнью» отрицания прошлого опыта поколений и изумлённого открытия давно открытых истин, а также ученической подражательности всему, что не наше. Из мирового культурного опыта мы выбираем не всё самое лучшее, настоящее, а что «подвернётся под руку». Всё ещё больше подражаем и меньше творим. Примёт

¹ Социологическое исследование «Культура Москвы: научный прогноз и ожидания населения», Московский институт социально-культурных программ, 2007, Москва, выборка — квотно-случайная. N=897.

тому много, но у нас речь идёт о языке и культуре, языке культуры и культуре языка.

Московским институтом социально-культурных программ было проведено социологическое исследование «Проблемы межнационального общения и культурного обмена». Полученные данные позволяют говорить о примитивизации культурных запросов, размытости нравственных критериев, невысоких культурных запросах населения в целом и в особенности молодёжи. В такой ситуации часть молодёжи нелегко воспринимает нормы отечественной культуры, в том числе и языковой культуры, легко поддается влиянию псевдокультуры и антикультуры, невольно участвуя в искажении родной устной и письменной речи. Поэтому необходимо целенаправленно расширять культурный уровень и кругозор подрастающих поколений, развивать интерес к знаниям, особенно к фундаментальным, общественным наукам, к искусству, приобщать к лучшим образцам мировой и отечественной культуры, литературы. В этих целях первостепенное значение имеет восстановление принципа доступности культурных благ для всех слоёв населения, пропаганда норм русского языка и защита его от многочисленных антирусских влияний.

Научные исследования Московского института социально-культурных программ, других исследовательских центров свидетельствуют о сохранении у части молодёжи чувства патриотизма, понимания роли культуры и языка в укреплении государственности, общественной консолидации, развитии личности. И именно эта её часть может стать инициаторами широкого движения в защиту русского языка, за очищение его от ненормативной и иноязычной лексики.

Несмотря на сложность переживаемого периода, в народе жива тяга к извечным, нравственным культурным ценностям. Задача культуры как показателя уровня духовной жизни людей, результата их воспитания и образования, интеллектуального, нравственного и эстетического развития — объединять народы России вокруг русского языка и русской культуры. Эти усилия, несомненно, принесут свои плоды не только в гуманитарной, но и в экономической, и социальной, и политической, и иных сферах жизнедеятельности российского государства и общества. Они будут служить сплочению вокруг идеи возрождения России и её выхода на новые исторические рубежи.

Библиография

1. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество. М. : Русская книга, 1992.
2. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990.
3. Журавлёв В. К. Русский язык и русский национальный характер. Доклад на «Рождественских чтениях», 1995.
4. Из «Записок княгини Е. Р. Дашковой». Цит. по Рябцева С. Правда о русском слове. М. : Парнас, 1998.
5. Конча Л. И. Духовность, культура, нравственность — основы общественного возрождения // ПОИСК. — 2005. — № 11.
6. Лихачёв Д. С. Русская культура в современном мире // Новый мир. — № 1. — 1991.
7. Межуев В. М. Культура как проблема философии // Культура, человек и картина мира. М., 1987.
8. Парсонс Т. Система современных обществ. М. : Аспект Пресс, 1998.
9. Почепцов Г. Г. Психологические войны. М., 2000.
10. Тоффлер А. Третья волна. М., 1999.
11. Ушинский К. Д. Педагогические сочинения. Т. 4. М. : Педагогика, 1989.
12. Шишков А. С. Славяно-русский корнеслов.

РУССКИЙ МИР

*ДРАНИЦЫНА Марина Николаевна,
соискатель кафедры теории литературы
и литературной критики,
Литературный институт им. А. М. Горького,
Москва
dmn-mari@rambler.ru*

Гротеск как форма выражения иронии в романе А. Белого «Петербург» / Grotesque as the form of irony expression in A. Belyj's novel «Petersburg»

Аннотация

Статья посвящена гротеску как одной из форм выражения авторской иронии, как сложной трансформации иронического мировидения писателя в спектре художественного изображения реальности.

Ключевые слова

Ирония; гротеск; карнавал; маска; маскарад.

Annotation

The author considers grotesque as one of the expression of author's irony forms, the difficult transformation of writers' ironical life philosophy in a spectrum of the art image of a reality.

Keywords

Irony; grotesque; carnival; mask; masked ball.

Для литературоведения понятие «ирония» имеет существенное значение. Ирония как философская и эстетическая категория на протяжении многих веков занимает умы виднейших философов, прозаиков, поэтов, скрыто или явно присутствует в творчестве многих рус-

ских писателей. Так, даже вполне серьёзные на первый взгляд пушкинские повести, по мнению В. Шкловского, на самом деле являются настоящими «ироничными» произведениями «по отказу от условности, по разрушению традиции во имя реалистического восприятия событий»¹. В начале двадцатого века, превратившегося со временем в «царство иронии», А. Блок писал: «Самые живые, самые чуткие дети нашего времени поражены болезнью, незнакомой телесным и духовным врачам. Эта болезнь сродни душевным недугам и может быть названа иронией»².

Ирония как мироощущение и как эстетический приём — вербальная форма комического — в высшей степени свойственна А. Белому. Ирония диктует сложный, многослойный подтекст его произведений, служит для писателя средством самовыражения, выявления самых заветных, потаённых авторских мыслей. В творчестве А. Белого ирония преимущественно интеллектуальная, рассудочная, хотя есть и эмоциональная, которая, возможно, и влияет на то, что драматизм ситуаций порой оборачивается пародией и фарсом, а в изображении персонажей преобладают приёмы шаржа и гротеска.

Гротескный метод построения образов — один из древнейших типов образности известен ещё в мифологии и в архаическом искусстве, а позже «в обширных областях смеховой литературы, связанной в той или иной форме с празднествами карнавального типа»³. Гротеск — излюбленная форма народного искусства комизма, начиная с древности. Гротескными были маски древнегреческой комедии. Преувеличение не единственное свойство гротеска. «Подобно тому как наивное играет с противоречиями теории и практики, так гротеск играет с удивительными смещениями формы и материи, любит видимость случайного и странного и как бы кокетничает с безусловным произволом. <...> Всякое чисто произвольное или чисто случайное сочетание формы и материи гротескно»⁴.

Преобразовавшись в чисто литературную традицию, гротеск перерождается и переосмыляется. В романтизме гротеск, став формой выражения субъективного, индивидуального мироощущения,

¹ Шкловский В. Повести о прозе. М., 1966. С. 3.

² Блок А. Собр. соч. в 8 т. М., Л., 1962. Т. 5. С. 345–349.

³ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 38–39.

⁴ Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. В 2 т. М., 1983. Т. 1. С. 308–310.

приобретает камерный характер, т. е. превращается в «карнавал, переживаемый в одиночку с острым сознанием этой своей отъединённости»¹. Именно такой — романтический — гротеск присущ роману А. Белого «Петербург».

Гротеск выводит героев и читателя за пределы кажущейся (ложной) единственности, непрерываемости и незабываемости существующего мира. В то же время ироническая образность, гротесковые ситуации романа в своей непосредственной конкретности предельно близки к исторической реальности. В историческом смысле это весьма точное произведение. Повествование выдержано в принципах жизненного правдоподобия. Гротеск в основном проявляется в художественной «лепке» образов персонажей и в обрисовке общественной жизни. И это вполне объяснимо тем, что гротескные образы, как писал М. Бахтин, не остаются на примитивной ступени развития. Присущее им чувство времени и временной смены расширяется, углубляется, вовлекает в свой круг социально-исторические явления, преодолевается его цикличность, оно подымается до ощущения исторического времени. И вот гротескные образы с их существенным отношением к временной смене становятся основным средством выражения чувства истории и исторической смены.²

Образы комедии дель арте, «полнее всего сохранившей связь с породившим её карнавальным лоном», занимают в романе одно из центральных мест. Этот, по выражению М. М. Бахтина, «гротескный реализм»³ стал для А. Белого ещё одной формой выражения авторской иронии и сарказма — тех производных, которые появились благодаря романтической «редукции смеха», практически утратившего свою жизнерадостность и «положительный возрождающий момент»⁴. Эпизоды карнавального типа впутаны в сложнейшую интригу взаимоотношений Николая Аблеухова и его партнёрши, где события развиваются по сценарию комедии дель арте.

Красное домино, чёрные капуцины, маски, паяцы вырываются из бально-маскарадной залы, проносятся в полубреду по коридорам, комнатам. «Поглядевши на чёрного капуцина, взвывающего атлас, существо в фиолетовой юбочке вдруг нагнулось к отверстии капу-

¹ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле... С. 45.

² Там же. С. 32.

³ Там же. С. 45.

⁴ Там же. С. 46.

шона (в лицо ей уставилась масочка), ухватилось за горб полосатого клоуна, чья одна (голубая) нога подлетела, другая же (красная) подогнулась; но существо не боялось: подобрало свой подол; и — оттуда просунулась серебристая туфелька. И пошло — раз, два, три... А за ними пошли все испанки, монахи и диаволы; веера, обнажённые спины и шарфы»¹. Эти персонажи, присущие народно-смеховой культуре, появляются в романе не для того, чтобы вызвать смех читателя, не для балаганного веселья и радости. Хотя, на первый взгляд, именно с такой целью вторгаются они в дом Цукатова, где «ждали масок». Но по замыслу автора в романе у них иное предназначение.

Для А. Белого чрезвычайно важен мотив маски, которая имеет многосложную и многозначную символику. «В маске очень ярко раскрывается самая сущность гротеска»². Маска связана с отрицанием «тождества и однозначности, с отрицанием тупого совпадения с самим собой; ...с переходами, метаморфозами, нарушениями естественных границ, с осмеянием... в основе маски лежит совсем особое взаимоотношение действительности и образа»³. Мозговая игра, мучающая героев романа, — тоже «только маска; под эту маску совершается вторжение в мозг разнообразия сил»⁴, которое «сумеет напугать неким, потрясающим бытием, нападающим ночью»⁵. Атрибутами этого бытия наделена мозговая игра всех героев романа.

Маска, как и красное домино, становится alter ego героя А. Белого — Николая Аблеухова. При описании Аблеухова-младшего маска возникает не единожды: «Античная маска...», «...лицо Николая Аполлоновича превратилось в маску: бесцельные потирания потных рук, и лягушечье выражение улыбки, увы, заслонили лицо...» и т. п. В дальнейшем происходит почти слияние маски с лирическим героем.

Карнавальный образ шута как бы прилипает к Николаю Аблеухову с детства: «Дурачок, простачок Коленька танцует: он надел колпачок — на коне гарцует». Обряжая себя в домино, он старается ему соответствовать. Это слияние маски и героя обнаруживает наличие

¹ Белый А. Петербург. М., 1978. С. 161–163.

² Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле... М., 1990. С. 136.

³ Там же. С. 49.

⁴ Белый А. Петербург. М., 1978. С. 59.

⁵ Там же. С. 59.

иронического мировидения в самом герое, поскольку только иронику, опьянённому своей свободой, свойственно примерять маски. Мотивировок у подобного действия может быть много, но одна из главных — желание ощутить свободу, оказаться вне добра и зла, вне моральных, как, впрочем, и всех остальных законов, придуманных не им и не для него. А. Белый нарочито демонстрирует имморальность своего героя, которую многие, включая собственного отца, ошибочно воспринимают как полное отсутствие моральных ориентиров. По крайней мере, именно с этих позиций судят о Аблеухове-младшем окружающие: «Всегда говорила, *ma chere*, что он вырастил негодяя; и *tante Lise* говорила; говорил *Nicolas*» — шушукаются присутствующие на бале; «Он — мерзавец, мерзавец!» — рыдает Лихутина; «Поведением Николая Аполлоновича поразился до крайности подпоручик Лихутин. Он испытывал теперь смесь гадливости с ужасом...»; «Аполлон Аполлонович пришёл к заключению, что собственный его сын, Николай Аполлонович, — отъявленный негодяй».

Между тем он действительно чужд морали, поскольку «универсальная этика кажется несовместимой с иронией»¹, той самой романтической иронией всеотрицания, которой А. Белый наделяет своего лирического героя — Николая Аблеухова и которая определяет критически непредвзятое отношение к общепринятой, часто условной морали², выступая в данном случае как некая поза, как способ поведения.

Балаган, ярмарочное представление тоже отличаются «чувством дозволенности нарушения моральных запретов»³, о чём писали и М. М. Бахтин, и Ю. М. Лотман. Мир балагана выделяется на фоне повседневной жизни общей обстановкой пестроты, яркости, беспорядка, внутри которой возможен выход за пределы любых возможных норм, что является антагонистичным чувству монотонности, невыразительности обыденного существования и призвано разрушить его. Скрывшемуся под маской можно всё, что предельно ясно понимает Николай Аблеухов, совершая «дикие» поступки, трактуемые Софьей Петровной как «подлость, подлость, подлость» и приводящие в бешенство и полубезумие, сопровождаемое не менее дикими поступками, её мужа — подпоручика Лихутина.

¹ Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М., 1994. С. 125.

² Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. С. 100.

³ Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб., 1998. С. 487.

«Черты романтической иронии, вся эта фантазмагория хорошо знакомы читателям той эпохи», — писал П. Антокольский о романе «Петербург».¹ И действительно, мы обнаруживаем в романе ту самую иронию, которая, кроме всего прочего, виделась романтизму демоническим началом, представляемым «смесью шутики, издевательства, иронии и в то же время игры, кокетничания, позёрства, жеманства и виртуозного артистизма»². Демонизм так же описывается в эстетических категориях игры, карнавальности. В зеркале демоничности расплываются черты любой индивидуальности. Поэтому маски у А. Белого явились ещё и символами обезличивания души.

Уже говорилось о том, насколько высока степень автобиографичности в творчестве А. Белого. И тема маски появляется в нём неслучайно. Это слишком животрепещущая тема для А. Белого. В очерке «Пленённый дух», посвящённом А. Белому, Марина Цветаева рисовала трагический образ поэта, который, по её мнению, «должен был разрываться между наречённым Борисом и самовольно созданным Андреем». Цветаева утверждала, что псевдоним — это подсознательное отречение от преемственности, потомственности, сыновности, отказ не только от отца, но и от святого, под защиту которого поставлен, и от собственного младенчества, и от матери, знавшей Борю и никакого «Андрея» не знавшей, отказ от всех корней, то ли церковных, то ли кровных. Цветаеву пугала «полная и страшная свобода маски: личины: не-своего лица» и при этом «полная безответственность и полная незащитность»³. Созданный М. И. Цветаевой поэтический образ писателя, который «разорвался — навек», отразил не только её субъективные впечатления, но и общее восприятие личности и судьбы Андрея Белого современниками. Разорванность натуры, «маски», несводимость к единому целому, противоречивые черты характера, «раздвоение, расщеплённость, расплёсканность» (Г. Шпет), «незавершённая» внутреннего мира, его «шаткость» (Ф. Степун), несколько «острых углов, из которых складывается причудливый облик» (Е. Замятин), «смесь магистра с фокусником» (М. Волошин) — с такими и подобными им оценками сталкиваешься в большинстве мемуарных зарисовок, воссоздающих портрет А. Белого.

¹ Антокольский П. «Петербург» Андрея Белого. М., 1978. С. 336.

² Лосев А. Ф., Шестаков В. П. История эстетических категорий. М., 1965. С. 81.

³ Цветаева М. И. Собр. соч. В 2 т. М., 1980. Т. 2. С. 306.

В резкой форме отрицал целостность характера и единство устремлений Белого Бердяев, который писал: «У этой очень яркой индивидуальности твёрдое ядро личности было утеряно, происходила диссоциация личности в самом его художественном творчестве. Это, между прочим, выражалось в его страшной неверности, в его склонности к предательству»¹. А. Белый, зная, как воспринимали его современники, в книге «Начало века» иронически замечает о себе: «двухголовое существо»². Так мы подходим к ещё одному важному моменту — бинарности, оппозиционной раздвоенности, присущей и автору, и его героям, каждый из которых заключает в самом себе пародийного двойника. Так, например, Николай Аблеухов: «стройный шафер красавец», античная маска — красный шут, «безрукий уродец». «Красавец», — слышалось вокруг Николая Аполлоновича... Но если бы Николай Аполлонович рассмеялся бы, то сказали бы дамы: «Уродище...» Двойственность является основной чертой не только внешнего, но и внутреннего содержания Аблеухова: он и русский студент XX века, занимающийся философией, и древний «туранец», потому что в жилах его отца течёт азиатская кровь. Аполлон Аполлонович Аблеухов — сенатор, берущий только одну ноту презрения, но и Башмачкин, о чём писал А. Белый: «Аполлон Аполлонович соединяет в себе обе темы (униженности и высокопарности значительного лица. — **М. Д.**): он в аспекте “министра” — значительное лицо; в аспекте обывателя — Акакий Акакиевич»³. Александр Иванович Дудкин — «Неуловимый» является в то же время загнанным, больным, «пришибленным нуждой», полусумасшедшим человеком. Софья Петровна — «ангел Пери» — прозвище само по себе иронического плана, сравнение с японской куклой только усугубляет эту ироничность; «ангелу», как созданию возвышенному, небесному, а значит, одухотворённому, противопоставляется кукла, не просто олицетворение бездушия, а какая-то дьявольская игрушка: «оттопырились слишком тяжёлые губы; косили глаза: что-то ведьмовское»⁴.

Издываясь над происходящим, дистанцируясь от жизни посредством иронии, А. Белый оказывался в положении «тотального отри-

¹ Бердяев Н. А. Самопознание. М., 1990. С. 194.

² Белый А. Начало века. М., 1990. С. 539.

³ Белый А. Мастерство Гоголя : Исследования. М., 1934. С. 305.

⁴ Белый А. Петербург. С. 137.

цателя», т. е. нигилиста. Осмеяние действительности для А. Белого выступало способом уберечь логику собственной субъективности приёмом именованья и признания окружающего мира хаосом и абсурдом, чем демонстрируется неприятие и отказ от него. Ведь ирония, по одной из трактовок Ф. Шлегеля, «это ясное осознание вечной подвижности, бесконечно полного хаоса»¹. Художественно-гротескное антиповедение героев романа воспроизводится А. Белым как усложнённая форма иронии, являвшаяся и защитной реакцией на факты окружающей действительности, и в то же время — отражением ощущения исчерпанности традиционных художественных жанров.

Библиография

1. Антокольский П. «Петербург» Андрея Белого. М., 1978.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990.
3. Белый А. Мастерство Гоголя : Исследования. М., 1934.
4. Белый А. Начало века. М., 1990.
5. Белый А. Петербург. М., 1978.
6. Бердяев Н. А. Самопознание. М., 1990.
7. Блок А. Собр. соч. в 8 т. М., Л., 1962.
8. Лосев А. Ф., Шестаков В. П. История эстетических категорий. М., 1965.
9. Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб., 1998.
10. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М., 1994.
11. Цветаева М. И. Собр. соч. В 2 т. М., 1980.
12. Шкловский В. Повести о прозе. М., 1966.
13. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. В 2 т. М., 1983.

¹ Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. С. 360.

АСПЕКТЫ

*ВОРОБЬЁВА Кристина Сергеевна,
аспирантка кафедры истории и теории
социологии, Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург
sunshine24@rambler.ru*

Советская социология кино (60-е — начало 80-х годов XX века) / Soviet sociology of cinema (60^s — early 80th in the XXth century)

Аннотация

В настоящей статье автор выявляет приоритетные проблемы советской социологии кино. Можно сделать вывод, что наиболее изученными в советский период отечественной истории были: проблема посещения кино, структура аудитории, общественное мнение и популярность фильмов у аудитории. Рассматриваются также особенности научно-исследовательской работы в данной области знания в 60-е — начале 80-х годов XX века.

Ключевые слова

Социология кино; кинозритель; посещаемость кино; структура аудитории.

Annotation

Author identifies the actual problems of the Soviet sociology of cinema. The conclusion is that during the Soviet period of domestic history, the most investigated issues were: visitation of cinema, structure of audience, interests of filmgoers, public opinion and film's success. Also the distinctive features of the research in this branch of knowledge during 60^s — early 80th of the XXth century are recognized.

Keywords

Sociology of cinema; filmgoer; visitation of cinema; structure of audience.

В условиях глобализации и потери массовой аудитории отечественным кинематографом как никогда ранее оказалось востребованным социологическое знание о функционировании киноискусства в обществе. В настоящее время социологические исследования проводятся как по государственному заказу, так и по заказу общественных и коммерческих организаций. В этой связи, на наш взгляд, является актуальным изучение опыта советских социологов, который имеет и позитивные результаты, и определённые «болевые» точки.

Цель настоящей статьи — обозначить приоритетные проблемы социологии кино советского периода, особенности научно-исследовательской работы в области социологии кино 60—80-х годов XX века. В данный период социология кино возродилась и получила развитие: обозначилась её проблематика, вырабатывались и совершенствовались исследовательские методы, накапливалось практически значимое социологическое знание о кино.

На исследовании функционирования киноискусства были сосредоточены три научных коллектива: лаборатория социологических исследований кинематографа Всесоюзного научно-исследовательского кинофотоинститута — НИКФИ (с 1974 года — отдел исследования проблем массовой информации и социологии кино НИИ теории и истории кино Госкино СССР, позднее переименован во ВНИИ киноискусства); лаборатория «Кино и зритель» Управления кинофикации Исполкома Моссовета и ВГИКа; сектор социологии культуры Института экономики Уральского научного центра АН СССР.

Внимание социологов было сосредоточено прежде всего на изучении проблемы посещаемости кино, состава и структуры киноаудитории; выявлении интересов и предпочтений киноаудитории и определении типов зрителей; изучении зрительского общественного мнения и исследовании проблемы популярности кинопроизведения.

Стержнем исследований советских социологов была *кинопосещаемость* как массовое социальное поведение.¹ Задачей социоло-

¹ Жабский М. И. Некоторые актуальные проблемы социологии кино // Кино и зритель. Проблемы социологии кино. М., 1978. С. 12–38; Жабский М. И. Социология кино: опыт и проблемы // Социологические исследования. —

гии кино была разработка комплекса мер, способных противодействовать негативной тенденции снижения посещаемости. В связи с этим изучались: социально-демографическая структура аудитории (Л. Н. Коган, Э. П. Васильева и др.); массовость кинематографа и структура аудитории по частоте кинопосещаемости (М. И. Жабский, С. А. Иосифян); субъективные и объективные факторы, воздействующие на кинопосещаемость, влияние телевидения на интерес к кино, кинопосещаемость (А. Л. Богданов, В. М. Вильчек и др.); причины, способствующие и препятствующие посещению кинотеатра, мотивы посещения (Ю. Воронцов, Л. Коган и др.).

Мы полагаем, что на основании проведённых социологических исследований советского времени можно сделать следующие выводы:

- главные причины, которые мешали посещать кинотеатр, — недостаток времени и неудовлетворённость качеством фильмов;
- структура свободного времени у большинства зрителей подвижна и поддаётся воздействию;
- решение проблемы кинопосещаемости зависит от уяснения и реализации преимуществ кинематографа;
- при условии демонстрации хорошего фильма и улучшении уровня кинообслуживания зрители готовы чаще ходить в кино.

Мы разделяем имеющийся в литературе практический вывод, согласно которому посещение кинотеатров должно быть «престижно» и «событийно». Это особенно актуально в наше время «многоканального» кинопотребления. Внимательное отношение к запросам зрителей — главное условие укрепления связи кино с аудиторией.

Принципиально важно обратить внимание на то, что советские социологи занимались разработкой *типологической структуры массовой аудитории* с целью выявления потребностей зрителей. Типологии кинозрителей разрабатывались по различным основаниям: по признаку эстетического потенциала (Н. А. Лебедев), по социальным функциям фильма (например, А. Л. Вахеметса и Ю. Н. Семёнов, И. Е. Кокарев), по жанровым и тематическим предпочтениям зрителей

1977. — № 4. — С. 102–110; Жабский М. И. Посещаемость кино в социологическом измерении // Кино и городской зритель. М., Ин-т теории и истории кино, 1978. С. 55–73; Иосифян С. А. Проблемы массовости киноискусства. М. : ВГИК, 1977. 60 с.

(например, И. Лукшин), по мотивам посещения определённого кинотеатра (Ю. Воронцов и А. Богданов).¹

Если подвергнуть обобщению данные типологии, на наш взгляд, можно выделить два основных типа зрителей в соответствии с различным отношением к кино. К первой группе относятся зрители, сближающие искусство и жизнь. Для них важнейшей функцией кино является воспитательная, познавательная. Ко второй — зрители, которые видят в кино только развлечение. Большинство исследователей советского времени (кроме И. С. Левшиной) не склонны были считать развлекательную функцию основной. Вопрос о соотношении просветительских и развлекательных установок, определяющих симпатии и антипатии зрителей к облегчённому зрелищу и серьёзному искусству, является в настоящее время весьма актуальным.

Следует отметить, что значительное внимание советских социологов уделялось изучению *зрительской оценки* и механизмов её формирования, *проблеме популярности кинопроизведения*.² Изучение потребности киноаудитории в фильмах различного плана позволяло

¹ Воронцов Ю. В., Богданов А. Л. Кинотеатр сегодня и завтра // Социологические проблемы кинопроката. М., ВНИИ киноискусства, 1986. С. 81–93; Киноискусство и массовая аудитория. Вып. I и II (Приложение: эмпирические таблицы) / Под общей ред. Ф. М. Бурлацкого. Отв. ред. Ю. Н. Семёнов. М., 1971; Кокарев И. Е. Проблемы типологии киноаудитории // Кино и зритель. М., 1978. С. 82–122; Левшина И. С. Функционирование киноискусства в массовой молодёжной аудитории // Социальные функции искусства и его видов. М., 1980. С. 166–189; Лукшин И. П. Социальный портрет сельского кинозрителя // Сельская аудитория кинематографа. М., 1979; Лукшин И. Зритель в мире кино и телевидения (Социологические наблюдения). В кн.: Телевидение вчера, сегодня, завтра. Вып. 3. М.: Искусство, 1983; Митюшин А. А. Социологические заметки Н. А. Лебедева и некоторые концепции киноискусства // Митюшин А. А. Социологические заметки Н. А. Лебедева и некоторые концепции киноискусства // Методология и методика социологических исследований киноискусства. М., ВГИК, 1984. С. 91–101.

² Богданов А. Л. Зрительская оценка фильмов // Кино и зритель. М., 1978. С. 139–163; Васильева Л. А. Механизм успеха современной мелодрамы // Социальная жизнь фильма. М., 1983. С. 64–77; Рондели Л. Д. Герои фильма и проблема его популярности // Социальная жизнь фильма. М., 1983. С. 105; Рондели Л. Д. Слагаемые зрительского успеха // Социологические проблемы кинопроката. М., 1986. С. 5–33.

предложить рекомендации по оптимизации структуры кинорепертуара, а также получить данные, которые могли бы служить для прогнозирования успеха фильма. Социологические исследования способствовали переходу от ретроспективного анализа производства и проката к перспективному, что облегчало управление взаимосвязью кино и зрителя. Сегодня прогноз крайне необходим для управления кинопроцессом. Прогнозирование в области кинематографа может реализоваться только с помощью всестороннего анализа кинематографического процесса, что требует проведения социологических исследований.

Следует обратить внимание на то, что проблемное поле социологии кино гораздо шире той проблематики, которая стала предметом социологического анализа в советское время. В тот период изучалось преимущественно кинопотребление, а другие аспекты кинопроцесса оказались либо мало изученными, либо вне поля зрения социологов, в частности кинопроизводство, распространение — продвижение фильма к зрителю и киновосприятие.

Положительным итогом деятельности советских социологов являлось внедрение социологических методов в советскую науку о кино. Использовались различные методы изучения кинозрителя, которые можно разделить на следующие группы: методы, требующие активного отношения зрителя к исследованию (анкетирование, интервьюирование); методы статистические — изучение кинопосещаемости; методы наблюдения за поведением зрителей во время и после демонстрации фильма, эксперименты; контент-анализ — метод, базирующийся на изучении различных источников информации (материалы читательских и зрительских конференций, зрительские письма, отклики на фильм, записи обсуждений фильмов).

Уязвимым моментом являлось доминирование одного метода — массового опроса. На наш взгляд, анкетирование как самостоятельный метод социологического исследования правомерно использовать при ограниченной цели исследования (отношение к репертуару, к конкретному фильму). А также когда оно проводится в комплексе с другими методами, дающими возможность получить объективную информацию. Применение широкого диапазона методов позволяет избежать односторонности и поверхностности выводов.

Безусловно, позитивным результатом социологии советского времени являлся масштабный сбор эмпирического материала, а также наличие тесных связей между социологической наукой и практикой. Советская социология кино прошла первичный этап накопле-

ния фактов, были сделаны первые шаги в области разработки теории. В этом плане эмпирические исследования давали основание для формирования теоретического уровня социологии кино. Однако, на наш взгляд, данный уровень киносоциологии не получил достаточной разработки, возможно, потому что имело место стремление к решению прикладных задач, а не обогащение теории. Современная социология кино должна учесть этот опыт и увязывать эмпирический и теоретический уровни знания.

Анализ научно-исследовательской работы в области социологии кино в 60—80-е годы позволяет сделать вывод о существовании следующих проблем её развития:

- несоответствие между развитой эмпирической базой и недостаточно развитым теоретическим (социологическим) знанием о кино;
- односторонность эмпирических исследований (которые сводились к изучению киноаудитории);
- отсутствие всестороннего анализа кинопроцесса (недостаточно исследованы кинопроизводство, распространение фильмов, освоение и восприятие);
- односторонность исследований в методологическом плане — для создания объективной картины кинопроцесса необходимо использование разных методов социологического анализа;
- нехватка профессиональных социологов, отсутствие их скоординированных научных связей и функциональной дифференциации.

На современном этапе своего развития социология кино продолжает испытывать немалые трудности: недостаток финансирования, отсутствие целостности исследований — изучаются отдельные аспекты кинопроцесса. На наш взгляд, в настоящее время ощущается потребность в создании федеральной социологической службы, которая может и должна оказать помощь в улучшении диалога с публикой, в разработке кинополитики. Эта социологическая служба имела бы возможность изучения различных аспектов кинопроцесса — производства, проката, демонстрации и освоения фильмов, и тем самым могла бы способствовать приращению теоретико-методологического знания.

Библиография

1. Васильева Л. А. Механизм успеха современной мелодрамы // Социальная жизнь фильма. М., 1983.
2. Вахеметса А. Л., Плотников С. Н. Человек и искусство. (Проблемы конкретно-социологических исследований искусства) М., Мысль, 1968. 196 с.

3. Жабский М. И. Некоторые актуальные проблемы социологии кино // Социальная жизнь фильма. М., 1983.
4. Жабский М. И. Социология кино: опыт и проблемы // Социологические исследования. — 1977. — № 4.
5. Иосифян С. А. Проблемы массовости киноискусства. М., 1977.
6. Кино и городской зритель: Сборник научных трудов / Отв. ред. П. П. Ерофеев, Г. М. Лифшиц. М. : Ин-т теории и истории кино, 1978. 158 с.
7. Кино и зритель (Сб. ст.). М., ВГИК, 1967. 74 с.
8. Кино и зритель. Проблемы социологии кино (Сб. ст.) / Отв. ред. З. Г. Курторга. М. : НИИ теории и истории кино Госкино СССР, 1978. 163 с.
9. Киноискусство и массовая аудитория. Вып. I и II (Приложение: эмпирические таблицы) / Под общ. ред. Ф. М. Бурлацкого. Отв. ред. Ю. Н. Семёнов. М., 1971. 136 с.
10. Коган Л. Н. Кино и зритель. Опыт социологического исследования. М. : Искусство, 1968. 327 с.
11. Коган Л. Н. Художественный вкус. Опыт конкретно-социологического исследования. М. : Мысль, 1966.
12. Лебедев Н. А. Внимание, кинематограф! М. : Искусство, 1974. 438 с.
13. Левшина И. С. Функционирование киноискусства в массовой молодёжной аудитории // Социальные функции искусства и его видов. М., 1980.
14. Лукшин И. П. Зритель в мире кино и телевидения (Социологические наблюдения). В кн.: Телевидение вчера, сегодня, завтра. Вып. 3. М., 1983.
15. Лукшин И. П. Социальный портрет сельского кинозрителя // Сельская аудитория кинематографа. М., 1979.
16. Митюшин А. А. Социологические заметки Н. А. Лебедева и некоторые концепции киноискусства // Методология и методика социологических исследований киноискусства. М., 1984.
17. Рондели Л. Д. Герои фильма и проблема его популярности // Социальная жизнь фильма. М., 1983.
18. Социологические исследования кинематографа. Сб. ст. М. : НИКФИ, 1971. Вып. 60. 148 с.
19. Социологические проблемы кинопроката. Сб. научн. трудов / Под ред. Ю. В. Воронцова. М. : ВНИИ киноискусства, 1986. 167 с.
20. Художественное восприятие / Сб. ст. под ред. Б. С. Мейлаха. Л. : Наука, 1971. 387 с.

*КОРЖАНОВА Алла Александровна,
старший преподаватель кафедры
лингвистики, Гуманитарно-социальный
институт, Москва
ton40@bk.ru*

Социально-культурный аспект туризма в «обществе мечты» / «Society of dream»: social-cultural aspect of tourism

Аннотация

Данная статья описывает туризм начала XXI века, который на пороге «общества мечты» олицетворяет стиль жизни и социальный успех, приключения и скорость. Для создания специфического тур-продукта индустрия туризма пользуется особым видом ресурса: культурной традицией, обрядом, мифом или сказкой. «Общество мечты» и природу рассматривает как источник историй. Туризм развивается, количество потребителей увеличивается, и появляются новые виды туризма, такие как приключенческий, этнографический, экологический и др. Но самым грандиозным проектом будет космический туризм. За каждым новым продуктом стоит мечта, ведь будущее не существует в физическом мире, оно присутствует только в мыслях и мечтах конкретного человека.

Ключевые слова

Аспект; культурный; культура; социальный; туризм.

Annotation

This article describes the tourism of the beginning of XXI century which becomes the style of life and social success, adventures and speed. Tourist industry uses the special kind of resources: cultural traditions, customs, myths or fairy tales for creation of the specific tourist product. «Society of dream» looks at the Nature like a source of stories. Tourism develops, the customers' quantity increases and new kinds of tourism appear, such as adventure, ethnographical, ecological, etc. But

the greatest project will be Space Tourism. Every new product contains dreams. Our future does not exist in reality, but only in thoughts and dreams of people.

Keywords

Aspect; cultural; culture; social; tourism.

В 1996 году часто цитируемый профессор Сэмюэль Хантингтон выдвинул теорию о том, что войны будущего будут войнами культур и ценностей в мире, разделённом не на национальные государства, а на несколько культурных зон, обладающих конкурирующими ценностями¹. В статье также говорилось, что Вторая мировая война была индустриальной и в ней победила наиболее развитая в промышленном отношении страна. Война будущего, по Хантингтону, может быть войной идей и ценностей. В условиях разрушения информационных монополий и непризнания границ Интернетом победа достанется той культуре, которая сможет продать противнику свои ценности, свои идеологические принципы. Следовательно, войну будущего можно рассматривать как бескровную войну менталитетов, где воюющая сторона с наилучшими историями правит миром и мировым рынком. Данная теория согласуется с теорией «общества мечты», для которой органична война культур и историй, а не тел.

Поскольку в XXI веке резко увеличилась скорость изменений, то можно предположить, что переход к «обществу мечты» произойдёт быстрее. Однако раньше всего это коснётся процветающих стран и быстрорастущего состоятельного среднего класса урбанизированных центров развивающихся стран. В целом многие страны мира всё ещё являются аграрными или идут по пути к индустриализации, а масштабные преобразования требуют времени, усилий и средств. И всё-таки теория «общества мечты» актуальна и для развивающихся стран, так как она определяет основу их взаимоотношений с богатыми странами: в развивающихся странах имеются производства и производители тех товаров, про которые процветающие страны рассказывают истории.

Сегодня существует одна глобальная отрасль человеческой активности, которая, охватив большую часть мира, является универсальной в своей способности полностью удовлетворить потребность индивида в физической, умственной и эмоциональной нагрузке. Это туризм.

¹ Samuel P. Huntington. «The West and the World» («Запад и мир»), Foreign Affairs, ноябрь — декабрь 1996.

В XXI веке неуклонно развивается рынок развлечений для ума и чувств, основным сегментом которого считаются приключения и путешествия на продажу. Рынок организованных на продажу историй-приключений XXI века будет огромен, а успевшие занять его компании за короткое время станут глобальными. Туризм способен рассказать не одну захватывающую историю. Туризм не только рассказывает истории, но и активно их генерирует. Туризм — это глобальное пространство историй. На пороге «общества мечты» туризм является олицетворением стиля жизни и социального успеха, приключений и скорости.

Для создания специфического турпродукта индустрия туризма пользуется особым видом сырьевого ресурса: сохранённой в веках культурной традицией, обрядом, мифом или сказкой, одним словом, историей.

Следовательно, можно сделать вывод, что туризм для привлечения и удержания потребителей уже сегодня использует не просто захватывающие, поражающие воображение мифы и легенды о турпродукте, но и «исторический» транспорт, перемещающий путешественников по «историческому» маршруту.

Использование красочного видеоряда и экспрессивных образов в продвижении турпродуктов и услуг при помощи телевидения, компьютеров и рекламы способствует расширению глобализации. Поэтому современный туризм предпочитает привлекать новых путешественников ярким эмоционально-насыщенным, впечатляюще запоминающимся видеорядом. В этом контексте с точки зрения туризма новый смысл приобретает русская народная пословица: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Туризм помогает не только услышать и увидеть, но и предоставляет возможность потрогать, попробовать на вкус, вдохнуть и глотнуть, почувствовать, пережить и рассказать самому. Для этого необходимо только отправиться в путь навстречу новой истории.

В общем, нужно признать, что «общество мечты» в обеспеченных странах рассматривает природу как источник туристических историй. Следовательно, как источник специфического сырья природа является частью рынка приключений. Наблюдение и фотографирование океанских гигантов (китов, акул, дельфинов) сегодня — быстрорастущий и перспективный вид приключенческого туризма. Если не хватает историй о реальных животных, придумываются и рассказываются истории о лохнесском чудовище Несси и снежном человеке Йетти, для доказательства существования которых уже отправился в поход не один турист и снаряжена не одна экспедиция. В современном

обществе абсолютно востребована история о Матери-Природе с её тайнами и силами. Людям XXI века нужны тайны открытого космоса, морей и удалённых уголков земли. В будущем блестящие перспективы откроются перед туроператором, организующим путешествия к Природе. К примеру, остров Бали индонезийские власти с помощью легенд о Ван Гоге рекламировали как остров, на котором самые красивые закаты на земле, хотя до этого Бали был типичным рыбацким островом с незначительным туристическим потенциалом. Десятилетия Бали был излюбленным местом отдыха богатых людей всего света, особенно австралийцев. В «обществе мечты» физически напряжённые, полные тягот путешествия, такие как восхождения на горные пики, станут золотой жилой для горных стран и компаний, предлагающих товары и услуги скалолазам. Разнообразные горные туры на Эверест, Альпы или Анды будут в цене.

Нетронутая природа, леса Африки и джунгли Амазонии, девственно чистые снега высоких гор являются местом обитания историй, которые притягивают туризм и организованных им путешественников. В результате, рано или поздно, обычно очень быстро создаётся конфликт интересов. Поражающая воображение гора Эверест в Гималаях погрязла под кучами мусора, при этом каждый год восхождение совершают около 80 человек, однако следует подчеркнуть, что туристов среди них мало. С такой же проблемой сталкивается Мачу-Пикчу в Перу, куда туристы во всего света стекаются толпами. В Африке рынки историй и сельскохозяйственных продуктов уже десятилетия находятся в конфронтации. Учёные уверены, что через 20–30 лет Борнео и северную оконечность острова Суматра, где уже сегодня последним естественным ареалам орангутангов грозит опасность, ждёт огромный наплыв туристов со всего света. Перед Индией и Китаем остро стоит необходимость решить вопрос о сохранении естественной среды обитания тигров и панд, что неминуемо ограничит сельскохозяйственные угодья и быстрорастущую промышленность городов. Если эта тенденция продолжится, то, по прогнозам аналитиков, ценность одного живого тигра превзойдёт ценность продукции, произведённой местными жителями, поскольку искатели приключений, защитники дикой природы и любители животных, особенно из богатых стран, будут платить за возможность увидеть редкого зверя в естественной среде обитания. При этом учёные не сомневаются, что в конечном счёте рынок историй победит, потому что там деньги. Проблема, однако, заключается в том, кому принадлежат права на доход, приносимый тигром, — обитателям ближайшей деревни или людям, живущим далеко от неё.

По мере того как отрасль растёт, а количество потребителей из кое-где уже наступившего «общества мечты» неуклонно увеличивается, в туризме всё очевиднее следующие тенденции:

- Основной рост приходится на рынок историй и авантюрного туризма — например, приключенческие и познавательные туры на Южный полюс начались только в 1958 году, а сегодня уже тысячи туристов ежегодно приезжают в Антарктиду.

- Как правило, туризм использует средства массовой коммуникации для распространения продукции и расширения рынка сбыта. Спрос на сказки о победе добра над злом часто создаётся у экранов телевизоров. Туризм ведёт непрерывный поиск идей, сюжетов, сказок. С этой целью туризм привлекает красивые и вечные истории мировой литературы, культуры и общечеловеческого наследия при создании нового приключения. Когда старые истории заканчиваются, а сюжеты исчерпываются, туризм генерирует новые.

- В «обществе мечты» туризм организует направленный широко-масштабный поиск истории других народов, чья культура, образ жизни и место обитания коренным образом отличны от уклада развитых стран. Особенно это касается немногих сохранившихся племён охотников-собирателей, неподдельный интерес к культурным ценностям которых неуклонно растёт.

- В «обществе мечты» самым используемым средством доставки туристов останется самолёт. По оценкам экспертов, около 200 000 пассажиров одновременно находятся в воздухе, а количество совершаемых ежегодно воздушных рейсов, составившее 1,8 млрд в 1997 году, утроится и достигнет 4,5 млрд к 2117 году.¹

- Специалисты прогнозируют усиление тенденции в «обществе мечты» рассматривать мир как тематический парк. Так, фильм «Парк Юрского периода» и тематический парк по его сюжету создали и описали целую вселенную. В Индии некоторые принадлежавшие магараджам дворцы перепрофилированы в дорогие отели. В Англии восстановлен «Глобус» — театр, для которого Шекспир писал свои пьесы.

- Роль уникальных неподдельных нерукотворных объектов туризма будет возрастать. В XX веке благодаря массовому туризму великая пирамида Хуфу в Египте, таинственный Чичен-Итца в Мексике или Запретный город (Гугун) в Пекине и их история были чрезвычайно востребованы у путешественников, и есть основание предполагать, что популярность и востребованность будут лишь нарастать в XXI веке.

¹ William Rademaekers. «Sky Unlimited» («Безграничные небеса»), Time, 16 июня 1997.

• Сегодня создание историй происходит в основном тремя способами. Первый способ предполагает покупку готовой истории у людей, носителей интересных историй, например, заключая спонсорские соглашения с известными спортсменами, альпинистами, гонщиками, актёрами и т. д. Другой подход — продажа истории, которую сам потребитель создаёт, рассказывает и проживает, являясь действующим лицом. Разрабатывая новый турпродукт, туризм может предоставить клиенту возможность самому придумать историю и отправиться за ней в путешествие.

• Первый уровень турпродукта, который, как правило, стимулирует интерес, чтение или просмотр документального фильма о путешествии. Второй — посещение заповедника, зоопарка, тематических парков Европы или Северной Америки. Продолжением может стать сафари в африканской саванне. Эти уровни турпродуктов способны генерировать и стимулировать спрос и являются специфической рекламой большого и серьёзного приключенческого тура или экспедиции, о котором снимут фильм или напишут путешественники-участники. Несомненно, самым грандиозным проектом «общества мечты», который уже реализуется, станет космический туризм. Писатели-фантасты, индустрия развлечений, например парк Футуроскоп, Роскосмос в России и НАСА в США подогревают интерес массового туриста и предлагают состоятельным путешественникам отправиться в космос. Официальная концепция развития американской Национальной аэрокосмической администрации определяет её сферу деятельности и приложения как масштабные приключения: «НАСА — это вложение в будущее Америки. Как исследователи, первопроходцы и новаторы мы дерзко расширяем наши воздушные и космические границы, чтобы стать примером для Америки, служить её интересам и способствовать улучшению качества жизни на Земле»¹.

Итак, в «обществе мечты» рынок туризма будет использовать широкий диапазон приключенческих историй, причём одна история для полного удовлетворения потребностей потребителей может быть рассказана в различном объёме.

Библиография

1. Домашняя страница НАСА, www.nasa.gov/
2. Samuel P. Huntington. The West and the World («Запад и мир»), Foreign Affairs, ноябрь — декабрь 1996.
3. William Rademaekers. «Sky Unlimited» («Безграничные небеса»), Time, 16 июня 1997.

¹ Домашняя страница НАСА, www.nasa.gov/

*СЕРГЕЕВА Кира Владимировна,
соискатель кафедры философии и
социально-политических наук,
Московский государственный гуманитарный
университет им. М. А. Шолохова
s-k-v@mail.ru*

Роль культуры в процессе социализации молодёжи / Role of culture in youth socialization process

Аннотация

В статье анализируется проблема социализации и социокультурной адаптации молодёжи, рассматриваются особенности этого процесса в современной политической, экономической и культурной ситуации в России.

Ключевые слова

Духовная культура; социализация молодёжи; философское осмысление культурных процессов.

Annotation

In the article the issues of socialization and sociocultural adaptation of youth are analyzed, the peculiarities of this process in conditions of modern Russia are presented.

Keywords

Spiritual culture; youth socialization; philosophical understanding of cultural processes.

Культура — явление многомерное, многосложное, охватывающее практически все сферы жизнедеятельности общества; и успешное

осмысление и поступательное развитие процессов в сфере культуры, равно как освоение и приумножение культурных ценностей, противодействие искажениям, негативным явлениям в этой сфере возможны лишь при системном подходе, имеющем глубокие научные обоснования.

Философия культуры — научное философское направление, предметом исследования которого являются изучение сущностных характеристик как самой природы культуры, так и её взаимосвязей с обществом, человеком и природой, её роли в цивилизационных процессах, закономерности культурного творчества, логики культурного процесса в его взаимосвязи с духовными и материальными результатами. Этот раздел философского знания, возникший ещё в античные времена и продолжающий активно развиваться в наше время как в зарубежной, так и в российской науке, изучает культуру и человека в ней.

Жизнь человека представляет собой совокупность различных видов и форм социальной и культурной деятельности, в результате которой он создаёт не только материальные богатства, формирует новые общественные отношения, но и самого себя. Совершенствование человека возможно только в результате практической деятельности, направленной на изменение внешних обстоятельств, творческого самовыражения, обретения жизненного опыта, раскрытия собственных способностей. Преодоление трудностей, решение жизненных задач способствуют наиболее полноценному, всестороннему освоению человеком духовных, культурных ценностей, ускоряют процесс социализации.

Молодёжная культура как культура значительной, наиболее активной части социума является предметом философского исследования. В этом аспекте особенно актуально изучение форм взаимодействия, позитивных и негативных явлений и тенденций во взаимодействии «большой» культуры и культуры молодёжной, форм самореализации, процессов социализации подрастающих поколений, что обеспечивает в конечном итоге непрерывность культурно-исторического процесса. Философское осмысление процессов в сфере молодёжной культуры приобретает особое практическое значение в связи с тем, что позволяет предвидеть перспективы развития национальных и глобальных социокультурных процессов, избежать или ослабить кризисные явления в этой сфере и в сфере молодёжной культуры, систематизировать, оптимизировать и проектировать процесс социализации молодёжи.

К проблеме социализации, взаимоотношений общества и личности в разное время существовали различные подходы. Французские просветители и материалисты XVIII века П. Гольбах и К. Гельвеций¹ условия общественного бытия и культуру считали определяющими для развития (социализации) личности.

Свой вклад в постановку проблемы культуры как социального феномена внёс Э. Дюркгейм, который определил культуру как «коллективное или общее сознание». Э. Дюркгейм, рассматривая проблему взаимоотношений общества и личности, разграничивает две реальности: социальную — в лице общества, государства, коллектива и индивидуальную, личностную, которые никогда не совпадают. Взаимоотношения между ними, по Э. Дюркгейму, всегда характеризуются борьбой, противостоянием и непримиримостью.² Состояние и поведение индивида определяются состоянием общества, считает он, таким образом провозглашая верховенство коллективного сознания над индивидуальным.³ В этом он во многом сближается с К. Марксом, считая, что общество должно гарантировать права и свободы личности.

В противоположность Э. Дюркгейму Макс Вебер, рассматривая личность, практически не связывает её развитие с общественными процессами, абсолютизируя её самостоятельность. По М. Веберу, человеческое общество — не продолжение природы, а продукт культуры, результат человеческой деятельности, а человек в нём — культурное существо.⁴

С социальным развитием связан «процесс формирования умений и социальных установок индивидов, соответствующих их социальным ролям, — социализация».⁵ Как отмечает И. С. Кон, «социализация» близка русскому слову «воспитание», значение которого несколько шире английского, несмотря на их тождественную этимологию. Но воспитание подразумевает прежде всего направленные

¹ См. Гольбах П. А. Избранные произведения. М., 1963. Т. 1–2; Гельвеций К. А. О человеке, его умственных способностях и его воспитании. М., 1938; Шишкин А. Ф. Из истории этических учений. М., 1959.

² См. Дюркгейм Э. Метод социологии. М., 1991.

³ См. Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения // Социс. — 1991. — № 2. — С. 106–114.

⁴ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 602–603.

⁵ Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 652.

действия, посредством которых индивиду сознательно прививаются желаемые черты и свойства, тогда как социализация наряду с воспитанием включает ненамеренные, спонтанные воздействия, благодаря которым индивид приобщается к культуре и становится полноправным членом общества».¹

Молодёжь, являясь субъектом социально-экономического и культурного процессов, характеризуется собственными групповыми чертами, особенностями и сущностными характеристиками. Она находится в начале процесса социализации, в котором формируются личностные качества, характеристики, мировоззренческие установки, формируются культурные стереотипы, система ценностей, интересы и способности личности. «История есть не что иное, как последовательная смена поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой — видоизменяет старые условия посредством совершенно изменённой деятельности».²

«Социальное развитие молодёжи можно представить как поэтапный, соответствующий возрастным параметрам процесс изменения социального положения и детерминированных им сущностных сил молодёжи».³ Сегодня роль культуры в общественном развитии, в том числе и в процессе социализации молодёжи, прогрессирующим образом возрастает. Молодёжь всё более активно и сознательно использует культуру «для организации и нормализации собственной деятельности».⁴

В современной России социализация подрастающих поколений осложнена целым рядом факторов, связанных с социально-политическими и экономическими трансформациями, кризисом культуры, изменениями в системе образования, просвещения, воспитания. Сосуществование в этих и других сферах элементов старого и нового государственного и общественного устройства порождает противоречивые явления в процессе социализации молодёжи. Харак-

¹ Кон И. С. Ребёнок и общество. М., 1988. С. 134.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. С. 44–45.

³ Сергеев В. К. Молодёжь и город: лицом к лицу. М., 2002. С. 24.

⁴ Розин В. М. Культурология. М., 1999. С. 43.

терной чертой современной российской действительности является вытеснение из процесса социализации духовной культуры культурой материального, культурой потребительства.

Сложности и отклонения от общепринятых культурных норм в процессе социализации подрастающих поколений возникают в значительной, если не решающей степени вследствие того, что подростки, молодёжь по причине конкретных социальных, экономических, культурных факторов, характеристик и возможностей, а также субъективных личностных особенностей имеют неравные возможности для полноценного включения в культурный процесс, приобщения к общественным культурным ценностям, к подлинной культуре.

Государство и общественные институты в силу многих причин сегодня пока не в состоянии предоставить равные возможности для потребления культурных благ молодым представителям всех слоёв населения, что, несомненно, негативно сказывается не только на их культурном, духовном становлении, но и, как следствие, тормозит процесс социализации молодёжи. Проверенные временем, общественно признанные образцы культуры, формы и методы воспитания духовной культуры в сложный переходный период развития российского общества оказались недоступными для значительной части российской молодёжи. Утрачены, прекратили своё существование многие институты культурного воспитания подрастающих поколений. В свою очередь всё более растёт сегмент масскультуры — «культуры для бедных», лишённой содержания, смысла, духовного начала. Масскультура стала конвейером, массово производящим бездумных, бездушных «людей-винтиков», не способных самостоятельно мыслить и тонко чувствовать, а значит, адекватно воспринимать и позитивно преобразовывать окружающий мир, обогащая общество своим присутствием.

П. Сорокин отмечал, что кризис культуры всегда связан с социально-политическим кризисом, когда осуществляется переход от одного типа культуры к другому, и влияние этого общего кризиса на человека неизбежно, так как он является частью социокультурной системы.¹

Совокупность общественных отношений является важнейшим элементом социально-культурной среды, окружающей молодого человека, основным объективным фактором, детерминирующим его

¹ См.: Сорокин П. А. Человек: Цивилизация: Общество. М., 1992.

жизнедеятельность, формирование личности и культурное развитие. В своём исследовании «Микросреда и личность» Ю. В. Сычёв пишет, что именно совокупность общественных отношений формирует тот или иной тип личности, её индивидуальность, впитавшую наиболее существенные черты определённой группы или всего общества.¹

В условиях молодёжной микросреды формируются индивидуальные качества, индивидуальное своеобразие личности. Специфическая микросреда, перерабатывая воздействия внешних социальных факторов, может видоизменить характер предъявляемых социальных требований к личности молодого человека, придать им новую направленность. При этом нередко возникают явления так называемого идентификационного моратория, в основе которого лежит процесс отчуждения молодого человека от общества, его замыкания в микросреде.²

Между микро- и макросредой возможны противоречия, конфликты, накладывающие отпечаток на формирование личности. Чем выше уровень научной управляемости общественными процессами, тем ниже уровень стихийности в социальном развитии, в воздействии социальной среды на личность, тем выше целенаправленность во всех сферах общественной жизни. Взаимосвязь личности и общества имеет диалектический характер, где внешние условия воздействуют через внутренние, а сформировавшийся внутренний мир личности в свою очередь активно воздействует на внешнюю среду.

Освоение молодёжью политической, экономической и социальной действительности происходит в контексте освоения культурных реалий, формирующих собственное отношение к сложной, многомерной, часто противоречивой действительности, решающим образом влияя на жизненные установки, идеалы, социальные ориентации, модели поведения. Духовная культура, усваиваемая молодёжью в процессе социализации, помогает ей адаптироваться к жизненным реалиям, совершенствуясь, успешно искать и находить для себя достойное место в жизни. Лишённая духовных основ масскультура не создаёт условий для формирования всесторонне развитой личности, примитивизирует представления о мире, социальные запросы, оставляя духовный мир личности в зачаточном, недоразвитом состоянии, не

¹ Сычёв Ю. В. Микросреда и личность. М., 1974. С. 30.

² Ковалёва А. И. Социализация личности: норма и отклонения. М., 1996. С. 104–109.

развивая таланты, сужая кругозор, одновременно лишая общество возможности поступательного развития, которое гарантируют ему только новые поколения его членов, более развитых в духовном, нравственном, культурном, интеллектуальном отношениях.

«Молодёжь всегда лучше, отчётливее ощущает и выражает основные тенденции, новые, перспективные направления развития общества. Сам процесс социально-культурного развития подчиняется поколенческим ритмам».¹

В. М. Межуев писал: «Действительным содержанием культуры оказывается развитие самого человека как общественного существа, развитие его творческих сил, отношений, потребностей, способностей, форм общения и т. д.».² Как социальный институт рассматривают культуру такие отечественные исследователи, как А. А. Зиновьев, Г. В. Осипов, А. С. Капто, Л. Г. Ионин, В. Н. Иванов, А. Л. Маршак, Э. М. Андреев, В. К. Сергеев, В. В. Сергеев и другие.

Обделённость молодёжи в сфере духовной культуры закрывает ей путь совершенствования в других сферах жизнедеятельности общества — экономике, политике, науке, производственной и общественной деятельности. Отсутствие духовной культуры не даёт возможности для целостного восприятия окружающего мира.

«Современное общество должно открыть молодёжь как субъект истории, как исключительно важный фактор перемен, как носителя новых идей и программ, как социальную ценность особого духа».³

Глобализация в сфере культуры, стирая государственные границы, языковые барьеры, преодолевая расстояния, открыла невиданные прежде возможности для распространения и получения информации, культурного продукта, результатов творчества всем и каждому. Хорошо это или плохо? Безусловно, хорошо, если эта информация, продукты творчества имеют позитивный характер, способствуют гармонизации личности, обогащают духовный мир человека, способствуют процессу социализации, духовной экологизации общественного бытия. Безусловно, плохо, если информация, худшие образцы массовой культуры разрушающим образом воздействуют на духовный мир личности, создают дисгармонию в обществе.

¹ Сергеев В. К. Молодёжь и город: лицом к лицу. М., 2002. С. 44.

² Межуев В. М. Культура как проблема философии // Культура, человек и картина мира. М., 1987. С. 328.

³ Молодёжь России: социальное развитие. М., 1982. С. 36.

Таковы два лица глобализации: духовное богатство и духовная пустота без границ. Что выбирать — зависит от тех, кто выбирает. Казалось бы, демократия открывает все возможности для свободы выбора каждому члену общества, но так обстоит дело только в теории. На деле же выбирают за нас и для нас другие. Бизнес. Подлинный продукт высокой культуры — всегда штучный товар. Продукт масскультуры, антикультуры сходит с конвейера, ведь он рассчитан на производство такого же усреднённого «конвейерного» человека, на некую безликую, безличностную массу. Именно такой масспродукт приносит баснословные прибыли — будь то телевизионный сериал, скандальное ток-шоу, кинобоевик, продукция «художественной макулатуры», театральная или эстрадная попса. Снижение качества культурных предложений провоцирует снижение качественного уровня спроса.

В условиях открытого общества, новой экономической ситуации государственные структуры, работники культуры, сами молодые граждане России зачастую оказываются незащищёнными перед лицом массивной антикультурной экспансии. Изменить ситуацию к лучшему возможно лишь в условиях целенаправленной системной государственной политики, консолидации всех ресурсов — государства, общественных институтов, творческих сил, науки. Гуманизация сознания, духовности, культуры и искусства, информации является основополагающим условием гармонизации общественного бытия. Социальная гармония неразрывно связана с процессом и реальными условиями социализации личности. Состояние и поведение индивида определяется состоянием культурного здоровья общества, в то же время уровень развития общества, общественные процессы напрямую связаны с состоянием и поведением индивидов, его членов. Фундаментом единства нации, а значит, социальной гармонии являются общность культуры, её богатство, традиции, динамичное развитие, культурная преемственность поколений.

Коренные изменения в культуре конца XX — начала XXI века, стремительное развитие её новых направлений, информатизация, модернизация, межнациональная унификация требуют глубокого философского осмысления и разработки новых обоснований, моделей и формул, т. к. именно за философией стоит весь опыт познания мира и человека. При этом следует иметь в виду, что философия и культура на протяжении всей истории развиваются в условиях взаимовлияния. Развитие философии стимулируется развитием культуры, а

интеллектуальные открытия, новые законы философского постижения мира служат делу развития культуры, совершенствованию человека. И чем выше уровень научной организации общественных процессов, тем ниже уровень стихийности в социальном, культурном развитии, в воздействии социальной среды на личность, тем выше целенаправленность во всех сферах общественной жизни.

Библиография

1. Бобахо В. А., Левикова С. И. Современные тенденции молодёжной культуры: конфликт или преемственность поколений // *Общественные науки и современность*. — 1996. — № 3.
2. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
3. Гольбах П. А. Избранные произведения. М., 1963.
4. Гельвеций К. А. О человеке, его умственных способностях и его воспитании. М., 1938.
5. Дюркгейм Э. Метод социологии. М., 1991.
6. Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения // *Социс*, 1991.
7. Кон И. С. Ребёнок и общество. М., 1988.
8. Ковалёва А. И. Социализация личности: норма и отклонения. М., 1996.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3.
10. Межуев В. М. Культура как проблема философии // *Культура, человек и картина мира*. М., 1987.
11. Молодёжь России: социальное развитие. М., 1982.
12. Розин В. М. Культурология. М., 1999.
13. Сергеев В. К. Молодёжь и город: лицом к лицу. М., 2002.
14. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
15. Смелзер Н. Социология. М., 1994.
16. Сычёв Ю. В. Микросреда и личность. М., 1974.
17. Филиппов Ф. Р., Чупров В. И. Социальные проблемы молодёжи // *Рабочая книга социолога*. М. : Наука, 1983.
18. Шишкин А. Ф. Из истории этических учений. М., 1959.

*ТАРЧЕНКО Вера Сергеевна,
аспирантка кафедры истории
и теории социологии,
Московский педагогический
государственный университет
DthfN@rambler.ru*

Работа с молодёжью для профилактики девиантного материнского поведения / Youth educational work as a preventive measure for deviant maternal behavior

Аннотация

Статья посвящена актуальным проблемам аномических процессов, связанных с родительским поведением. Раскрыта специфика материнских девиаций в современном российском обществе. Предложены основные виды девиантного материнского поведения. Представлены основные профилактические мероприятия с целью формирования ответственного родительства и укрепления значимости семьи и детей среди молодёжи.

Ключевые слова

Аномия; девиантное материнское поведение; профилактика; ответственное родительство.

Annotation

The article is devoted to the actual problems of anomic process in parental behavior. Maternal deviation features in modern Russian society have been described. Main types of deviant maternal behavior have been proposed. Preventive measures for the forming of responsible parenthood and strengthening of family and children meaning have been offered.

Keywords

Anomie; deviant maternal behavior; preventive measures; responsible parenthood.

Специфика анализа девиантного материнства предполагает рассмотрение его через призму семейных дисфункций, которые выражаются в ослаблении основ семейного воспитания, изменении структуры семьи и семейных отношений, сожителствах и ранних половых связях, внебрачной рождаемости и подростковых беременностях. С точки зрения структурно-функционального подхода данные тенденции можно объединить понятием «аномия».

Вероятность девиаций поведения существенно возрастает при происходящем на уровне социума ослаблении нормативного контроля. В соответствии с теорией аномии Р. Мертон девиантное поведение возникает прежде всего тогда, когда общественно принимаемые и задаваемые ценности не могут быть достигнуты некоторой частью этого общества.¹

В социологию понятие «аномия» ввёл Эмиль Дюркгейм, определивший его как временную утрату социальными нормами действительности в результате экономического или политического кризиса.² Такое состояние в обществе лишает людей коллективной солидарности, чувства связи с ним. Роберт Р. Мертон дополняет определение, трактуя его как «конфликт норм в культуре», когда люди не способны подчиниться ценностно-нормативной системе общества.³

Аномия как массовое социальное явление получает распространение в кризисные периоды в обществе, когда рушатся прежние ценности и социальные роли, и человек не находит в себе достаточного объёма адаптивных способностей, чтобы противостоять деструктивным явлениям, захватывающим также и личность.

На поверхности общественной жизни аномия проявляется в виде резкого скачка ненормативного поведения — неуважения к закону, прогрессирующего распространения преступности и жестокости, роста числа самоубийств, господства группового эгоизма и равнодушия, разрушения преемственности между поколениями. В частности,

¹ Мертон Р. К. Социальная структура и аномия / Р. К. Мертон. Социология. Хрестоматия. М. : Гардарики, 2003. С. 289–307.

² Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. М. : Канон, 1996. 432 с.

³ Мертон Р. К. Социальная структура и аномия. С. 289–307.

распространение таких проявлений аномального родительского поведения, как отказничество или алкоголизм, которые прямо или косвенно ведут к увеличению количества детей-сирот, могут быть объяснены именно общественной деморализацией, связанной с быстрой сменой социальных идеалов, с перестройкой всей системы социального контроля, деградации семейных ценностей, когда ребёнок перестаёт быть сверхценностью семьи. Аномия нанесла наиболее сокрушительный удар по институту материнства в России и, как следствие, обусловила рост числа социальных сирот. Учитывая приведенные обстоятельства, можно сказать, что институт материнства в России находится в состоянии аномии.¹

Однако Э. Дюркгейм в работе «Самоубийство» пришёл к выводу, что женщины в меньшей степени подвержены аномии. Причина в том, что женщины лучше адаптируются к различного рода изменениям, дольше сохраняют социальные связи с обществом, тогда как мужчины менее приспособлены к переменам и находятся в менее тесном и продолжительном соприкосновении с обществом.² Однако повышенная устойчивость женщин к негативным условиям приводит к быстрому крушению и полной деградации семьи в случае истощения их адаптивного потенциала. Известно, что алкоголизация отца в большинстве случаев не приводит к фатальным изменениям в семье. Напротив, в случае алкоголизации матери семья может находиться на грани краха.

Девиантное материнство — это не специфика нашего времени. Любые отклонения имеют свой постоянный процент и устойчивость даже в самых благополучных странах. Однако подобный масштаб и отсутствие каких-либо перспектив решения проблемы — это действительность сегодняшнего дня. Во времена СССР, когда данная проблема не стояла столь остро, любые случаи девиантного материнства порождали взрывы общественного порицания, а развитая система государственной опеки в значительной мере позволяла сглаживать остроту проблемы. Нормативный вакуум привёл к тому, что общественное мнение относительно девиантного материнства выработало толерантные установки. Это произошло вследствие привыкания общества к наиболее циничным формам проявления этого

¹ Осипова И. И. Система предотвращения социального сиротства : Автореферат дис. ... докт. социол. наук. М., 2010.

² Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / Э. Дюркгейм. М. : Мысль, 1994. 400 с.

явления, отсутствия критической позиции ряда СМИ при освещении проблемы и т. д.

Традиционные представления о мужских и женских ролях, являющихся глубинным элементом культуры, ставятся под сомнение, вследствие чего начинает меняться и ценность детей как основополагающая составляющая материнства. Исконные женские качества также подвергаются серьёзному пересмотру: материнская нежность и доброта замещаются карьерностью, настойчивостью и жестокостью, что в свою очередь ведёт к сознательному отказу от материнства или пренебрежению своими материнскими обязанностями.

Вместо нормальной женской функции воспитания детей проявляется дисфункция — прямо противоположная ей. В изменившейся социально-экономической ситуации сегодняшней России довольно сложно определить критерии благополучия, социально благополучную семью, её структуру, семейные роли. Достаточно сказать, что только в России каждый год от новорождённых детей отказываются 13–14 тысяч матерей, и этот показатель растёт. Дисфункциональная семья — это дезорганизующая среда, не только дающая обществу дезадаптированное молодое поколение, но и закрепляющая девиантные формы ущербной социализации детей и подростков, что приводит к закреплению девиации как нормы. Плюрализация жизненных стилей, либерализация библиографических сценариев приводят к тому, что понятие нормы всё меньше оказывается применимым к семье, и определить, где норма, а где патология, становится всё сложнее.

В чём же выражается нарушение материнского поведения, и какие профилактические мероприятия необходимы для предотвращения этого явления?

Можно привести следующие основные виды девиантного материнского поведения: отказ от рождения ребёнка, то есть сознательное бесплодие; проявление жестокости (любых её видов) к собственному ребёнку (детям); пренебрежение нуждами ребёнка (гигиеническими, эмоциональными и т. д.); оставление своего ребёнка в лечебно-профилактическом учреждении, в крайнем случае — оставление новорождённого в общественном месте или его убийство.

Анализируя причины возникновения девиантного поведения (на основании изучения мотивов отказов от новорождённых)¹, можно выделить следующее:

¹ Тарченко В. С. Влияние культурных традиций на мотивацию женщин-отказниц // ПОИСК. — Выпуск № 5 (29). — 2010. — Декабрь.

- в России происходит падение нравственности и престижа семьи;
- наблюдаются обеднение большей части населения и ухудшение состояния его здоровья, в том числе и репродуктивного;
- произошло изменение социальной роли женщины в современном обществе (многие женщины не готовы быть матерями, хотя пожить для себя);
- традиционная культура всё ещё оказывает положительное влияние на материнское поведение женщин.

Что касается профилактики девиантного материнства, то в настоящее время приоритетными мерами правительства помощи семье являются материальные стимулы, в то время как основным направлением деятельности должна стать государственная семейная политика, направленная на укрепление статуса благополучной семьи через возрождение семейных традиций, ценностей, духовности, нравственности, культуры семейных отношений, на профилактику девиантного отношения к детям.

Так, можно отметить такие негативные моменты работы различных ведомств и учреждений, занятых поддержкой семей с детьми и по охране материнства и детства:

- ведомственная ограниченность и межведомственная разобщённость; объективная заинтересованность ведомств в губительной для дела монополизации, в недопущении к своей профессиональной деятельности. Отсюда и к финансовым потокам конкурентных гражданских инициатив в защиту семьи и детства;
- отсутствие организационно-методических системных подходов в реализации межведомственного взаимодействия, как в деятельности учреждений, так и в подготовке кадров;
- постоянное запаздывание действий при работе с семьёй, детьми. Основные усилия органов по защите женщин и детей направлены на различные формы коррекции: медицинскую, педагогическую, социальную и т. д., что малопродуктивно и затратно во всех отношениях. Но такая политика, по нашему мнению, выгодна ведомствам, которые косвенно заинтересованы в пополнении контингента дезадаптированных семей для оправдания всё новых и новых вложений, развития сети учреждений коррекционной системы: интернатов, колоний, центров и т. д.;
- направленность на реабилитацию детей без биологической семьи. Многие реабилитационные учреждения декларируют свою реабилитационную направленность, в действительности же многие из них оказывают помощь дезадаптированным детям;

— отсутствие единого информационного, методического и образовательного пространства специалистов различных ведомств, работающих в сфере семьи и детства, что лишает их возможности создания межведомственных комиссий и координации совместных усилий;

— отсутствие программ профилактики семейного благополучия, что приводит к тому, что организуемые мероприятия не способны комплексно решать возникающие проблемы;

— отсутствие действенной системы общественной экспертизы новых нормативно-правовых актов в отношении семьи, которые, по сути, оказываются в последствии катализаторами негативных социальных процессов;

— отсутствие системно оформленной государственной поддержки общественных инициатив, деятельности общественных организаций, а иногда и открытое неприятие участия гражданского общества в сфере защиты семьи и детства. Примером такой системы мог бы стать механизм социального заказа и муниципальных грантов для отработки инновационных форм, технологий;

— государственный монополизм и консерватизм в социальной сфере не позволяет активизировать деятельность негосударственных структур в решении проблемы семьи, детства и раннего социального сиротства.

Таким образом, для решения проблемы девиантного материнства необходима комплексная работа по укреплению института семьи и материнства (сотрудничество государственных учреждений, коммерческих организаций, религиозных обществ), должно происходить формирование позитивного образа ответственных родителей. И одним из направлений такой работы должна стать *профилактика девиантного родительского поведения*, проводимая среди молодёжи.

Целью профилактической работы являются укрепление института семьи как малой социальной группы, предотвращение деградации института материнства и отцовства, сохранение биологической семьи для полноценной социализации ребёнка, формирование позитивного отношения к беременности и воспитание ответственного родительства.

Мы предлагаем следующие меры по профилактике девиантного материнского поведения среди молодёжи.

- Популяризация традиционных семейных ценностей.
- Проведение лекций о половом воспитании (в школах, в средних специальных и высших учебных заведениях). Нужно воспитывать у молодёжи чувство ответственности за свои поступки.

• Ознакомление с теорией семейной психологии, воспитания детей, возрастной психологии и педагогики.

• Создание сети рекламной кампании (социальной рекламы) о мерах предохранения от нежелательной беременности, о возможных последствиях аборт.

• Информирование о наличии в городе кризисных центров для женщин и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации (если таких центров нет, создание их).

• Возможно привлечение различных религиозных и благотворительных организаций (в частности, Русской Православной Церкви) для улучшения нравственного облика молодёжи и всего общества.

• Информационная поддержка молодых семей.

Профилактическая работа является не только самой продолжительной, но и самой ответственной, потому что от того, какое воспитание будет вложено в нашу молодёжь, зависит её будущее отношение к своим собственным детям.

Итак, решение проблем профилактики девиантного материнского поведения должно включать комплекс мероприятий на разных уровнях государства и общества. Помимо выработки эффективной социальной политики, необходимой является работа с молодёжью в отношении вопросов воспитания ответственного родительства путём просвещения молодых людей в области проблем девиантного материнства и отцовства, его причин, последствий для ребёнка и матери через социальную рекламу, лекции, публикации, создание благоприятного морального климата для беременных женщин, находящихся в кризисной ситуации. Необходимо осуществлять конкретную работу в группах повышенного риска, в специальных кризисных центрах, направлять все усилия общества на борьбу с алкоголизмом и наркоманией, целесообразно прибегать к помощи Русской Православной Церкви, улучшая нравственный облик молодёжи и всего общества, тем самым укрепляя и поддерживая семьи.

Библиография

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М., 1994.
3. Мертон Р. К. Социальная структура и аномия. М., 2003.
4. Осипова И. И. Система предотвращения социального сиротства : Автореферат дис. ... докт. социол. наук. М., 2010.
5. Тарченко В. С. Влияние культурных традиций на мотивацию женщин-отказниц // ПОИСК. — Выпуск № 5 (29). — 2010. — Декабрь.

*ТЕР-АКОПЬЯН Владимир Александрович,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии,
политологии и права, соискатель
Южного федерального университета,
ИППК ЮФУ, Ростов-на-Дону
info@ippk.rsu.ru*

Организационные рамки социального аудита / Organizational frameworks of social audit

Аннотация

Статья содержит анализ организационных рамок социального аудита, что является закономерной исследовательской процедурой в контексте институционализации социального аудита. Перечислены организационные проблемы субъектов социально аудиторского пространства.

Ключевые слова

Технологическая и организационные процедуры; бизнес-сообщество; социально аудиторское пространство; социально-ответственное поведение.

Annotation

Article contains the analysis of organizational frameworks of social audit that is natural research procedure in a context of an institutionalization of social audit. Organizational problems of subjects of socially audit spaces are listed.

Keywords

Technological and organizational procedures; business community; social audit space; social-responsible behavior.

В современной социологии управления социальный аудит рассматривается как технологическая и организационная процедура. Но социальный аудит в институциональном аспекте характеризуется становлением и формированием определённых организационных и нормативных рамок. Причём нормативно-процедурный аспект социального аудита выдвинулся на первый план в связи с тем, что организационно социальный аудит структурировался в системе государственного контроля над деятельностью бизнес-сообщества и был связан с требованиями социальной респонсивности компаний.

Такое «опережение» привело к тому, что социальный аудит рассматривался как определённая процедура, не имеющая самостоятельных организационных рамок. Условиями социального аудита считались профессиональная компетентность государственных служащих и добросовестность бизнес-сообщества в реализации «возложенных» социальных обязательств.

Внутри бизнес-сообщества социальный аудит укладывается в схему управления компанией и корреспондируется с экономическими показателями. Такие критерии, как занятость, оплата и стимулирование труда, динамика и структура, безопасность и улучшение условий труда, относятся к сфере кадровой политики и включаются в оценку состояния деятельности фирмы как самостоятельные критерии.

Организационно социальный аудит начинает складываться в 60—70-е годы, когда бизнес-сообщество переходит к социально-инвестиционному режиму и не ограничивается спорадическим воздействием государства в социальной сфере. Тем самым выявляется стремление бизнес-структур быть автономными от политической конъюнктуры и выдвигать концепцию, формулировать в качестве условия стабильности деятельности компании и повышение качества человеческих ресурсов.

На наш взгляд, до сих пор не произошла ликвидация различий между организационными и нормативными условиями социального аудита, так как наблюдается тенденция сводить социальный аудит к непостоянным формам контроля. Чаще цели социального аудита декларируются, нежели осуществляются.

Иногда под социальный аудит подводят достаточно традиционный спектр проблем, которые вынуждены решать бизнес-сообщества во взаимодействии с профсоюзами. Не отрицая важность данного направления, следует отметить, что в рамках кооперации социальный аудит не может иметь самостоятельной организации,

так как не сформулирован «веер» целей, не определены структурные и функциональные характеристики, не выработан организационный язык.

Как следствие — отсутствие интереса в подготовке и использование экспертов, специализирующихся именно на проблемах социального аудита. Чаще всего эту роль выполняют либо профсоюзные активисты и представители администрации, ориентируясь на согласование общих пунктов коллективного контракта, либо профессиональные аудиторы, которые рассматривают и формулируют критерии социального аудита в соответствии с конечными результатами деятельности фирмы и качеством управления (менеджмента).

Организационно социальный аудит предполагает существование как самостоятельных структур внутри бизнес-сообщества, так и специализированных экспертных сообществ (консалтинговых компаний, некоммерческих организаций), оказывающих услуги в реализации и проверке результатов социального аудита.

С какими организационными проблемами сталкиваются субъекты социально аудиторного пространства, ориентируясь на формирование определённых организационных структур?

Во-первых, нельзя забывать, что социальный аудит осуществляется в рамках подчинения миссии деловой организации, критериям экономического роста и максимизации прибыли. В зависимости от того, каким образом бизнес-сообщество оценивает собственные достижения и издержки, социальный аудит может рассматриваться либо как усиливающая мощь компании процедура, либо как избыточная, что влечёт отказ в явной форме от социального аудита под предлогом экономии средств или реструктуризации.

В обоих случаях социальный аудит привязан к структуре экономических показателей и не имеет перспективы стать самостоятельным направлением деятельности бизнес-сообщества. Кроме того, в организационном аспекте социальный аудит «попадает» под влияние ведущих организационных принципов и связывается только с наращиванием адаптивного потенциала организации, существенно ограничивая социально инновационный эффект от таких моментов.

Бизнес-сообщество, стремясь экспансировать в экономической сфере, не всегда следует этому принципу по отношению к социальной. Более того, известная осторожность базируется на предположении, что государство и общество таким образом пытаются ограничить самостоятельность бизнеса, «накинуть узду» или ввести неадекватные бизнесу социально распределительные критерии.

Следует подчеркнуть, что социальный аудит достигает определённой организационной зрелости при наличии следующих организационных характеристик.

Во-первых, формирование целей и функций, так как до сих пор не ясно при определённости общественного запроса, какие функции выполняет социальный аудит в общественной жизни, не дублируются ли при этом типичные для отношений бизнес-сообщества и государства взаимные требования.

Во-вторых, в условиях перестройки моделей организации, перехода от структурно-технологической к модели естественной организации организованность связывается с самонастройкой внутриорганизационных отношений, и социальный аудит может описываться как возможность, как ресурс, как непланируемый стихийный фактор и не включает особенности развития компании.

В-третьих, важно выявить соответствие между формальными и неформальными взаимодействиями компании. Социальный аудит представляет возможность перевода неформальных взаимодействий в контролируемое, формализуемое русло и расширяет объём внутреннего управленческого воздействия. Это объясняется тем, что в условиях развития социального аудита социальная мотивация работников, а также решение социальных проблем находится на уровне неформальных межличностных отношений и негативно влияет на уровень заинтересованности работников в конечных результатах деятельности.

В-четвёртых, социальный аудит является системой мер, которые позволяют при сохранении иерархического строения организации и соблюдении тенденции упорядочивания внутренних взаимодействий выйти на перспективу расширения горизонтальных социальных связей, так как в систему социального аудита включаются работники независимо от должностного статуса. Не менее важным моментом является то, что в таких условиях управление компанией вынуждено менять должностно-ориентированное поведение на социально-ответственное, понимать и осознавать необходимость перемены должностно-ориентированного поведения на социально-ответственное. Если иерархия должностей даёт возможность для воспроизводства образцов должностно-ориентированного поведения и обладатель высокого должностного статуса может проявлять заботу, демонстрировать демократический стиль, но оставаться в рамках жёсткой субординации, социальный аудит выявляет требования варьирования социальных связей, включение консультационных, партнёрских или координационных действий.

Известное утверждение, что организация в целом немислима без коллектива, приобретает для реализации социального аудита особое значение, поскольку в этом случае вызывает интерес контактный, интеракционистский аспект взаимодействия. Структурированность организации, упорядоченность отношений рассматриваются как следствие влияния социального аудита.

Социальный аудит в организационном аспекте, таким образом, включает как процедурные, так и структурные условия. В понимании социального аудита проявляется функциональная недостаточность формальной организации. Иными словами, для того чтобы предотвратить эффект неформальной самоорганизации «перерастания» явных функций в латентные, социальный аудит входит в бизнес-структуру в качестве направления деятельности.

Разумеется, следует учитывать специфику деловой организации. Бизнес-структуры, ориентированные на удовлетворение запросов потребителей и расширение круга клиентов, в большей степени преуспевают в наращивании социального аудита, нежели их «собратья», их аналоги, работающие на связке с другими структурами, или условия которых являются специфическими.

К примеру, во Франции наибольший тон в формировании социального аудита задавали автоконцерны «Рено», «Пежо», «Ситроен», так как их продукция всегда является социально значимой и требует интенсивной социальной рекламы.

Вместе с тем трудно говорить о социальном аудите в компаниях, производящих специфическую продукцию (вино, сыры, оливковое масло), так как их работа связана с удовлетворением естественных или избыточных потребностей и они имеют сформировавшийся круг клиентуры.

Необходимо отметить, что в современных условиях организации привлекают индивидов для удовлетворения их потребностей и ожиданий. Хотя система стимулирования (материальное обеспечение, возможность духовного роста, социальный обмен) действует как социальный статус (средство обмена на определённый ролевой вклад), данная тривиальность вовсе не является тривиальной для бизнес-структур, если функционирование организационного механизма настроено на логику подчинения целям структуры.

Библиография

1. Современная социология организации. М., 1995.

ИССЛЕДОВАНИЯ МИСКП

*ЕРМАКОВИЧ Юлия Сергеевна,
магистрант, Российский государственный
социальный университет,
ведущий методист отдела
современной молодёжной культуры,
Московский институт
социально-культурных программ
djulliet@mail.ru*

Управление культурными инновациями в культурно-досуговой сфере московского мегаполиса / Management of culture innovations in culture and leisure field of Moscow megalopolis

Аннотация

Данная статья посвящена проблемам культурного новаторства и инноваций в деятельности культурно-досуговых учреждений в условиях московского мегаполиса, а также анализу возможных направлений инновационного развития и путей управления процессами в современном социокультурном пространстве.

Ключевые слова

Культура; инновационная деятельность; управление; культурное новаторство; культурно-досуговая сфера.

Annotation

This article covers the problems of innovations in activity of leisure and culture institutions in terms of Moscow megalopolis and analyses possible areas for innovation progress and the ways of management processes in contemporary social and culture space.

Keywords

Culture; innovation activity; management; culture innovations; culture and leisure field.

В настоящее время понятие «инновация» носит в повседневном понимании людей весьма абстрактный характер. Этому во многом способствует недостаточная последовательность, а нередко и противоречивость высказываний политических и общественных деятелей и даже некоторых учёных, рассуждающих на темы инноваций, инновационной деятельности, активности в своих выступлениях и публикациях.

Термины «инновация», «инновационная деятельность», «инновационная активность» продолжают популяризироваться СМИ и подаются как модные слова, якобы свидетельствующие о современности мышления и просвещённости лиц, их произносящих. Вместе с тем названные выше понятия не имеют универсального определения и критериев для анализа и оценки. Подобное обстоятельство нередко способствует появлению заблуждений и ошибочных толкований, что позволяет выдавать за «инновации» любые изменения, манипулировать сознанием потребителей, некоторых предпринимателей, управленцев, чиновников, политиков и т. д.

Что же подразумевает под собой это понятие? Каким образом должно осуществляться управление инновационными процессами? Эти и многие другие вопросы ставит перед собой современное общество.

Мы постараемся ответить на некоторые вопросы, касающиеся инновационной деятельности в культурно-досуговой сфере.

Термин «инновация» стал особо активно использоваться в переходной экономике России как русский вариант слова «innovation», что в дословном переводе означает «новшество», «нововведение», «новаторство»¹. При этом сущность инновации, критерии оценки, особенности создания и внедрения значительно разнятся в зависимости от типа инновации, области, отрасли, сферы её создания, внедрения и применения.

Чаще всего с понятием «инновации» связывают определённые научно-технические достижения или такие новые идеи, подходы, реализация которых могла бы принести прибыль для организации. По мнению ряда исследователей, «инновация не является таковой

¹ Статистика науки и инноваций: Краткий терминологический словарь / Под редакцией Л. М. Гохберга. М. : ЦИСН, 1996. С. 31.

до того момента, пока она успешно не внедрена и не начала приносить прибыль»¹.

Характерно, что большинство учёных, рассуждая об инновациях, неизбежно связывают их с проблемами и задачами экономики. С одной стороны, это вполне естественно и во многом обусловлено потребностями социально-экономического развития, ростом экономической конкуренции, в том числе на мировом уровне, а также многими другими глобальными и локальными процессами. Как известно, одним из активных популяризаторов «инновации» в экономическом измерении был австрийский учёный Йозеф Шумпетер², его работы во многом определили дальнейшее осмысление инновации как экономической категории. Обойти экономический вопрос стороной, конечно, невозможно, особенно в изменяющихся социально-экономических условиях, ведь активизация инновационной деятельности учреждений культуры во многом обусловлена проведением в нашей стране ряда экономических реформ.

С другой стороны, существуют проблемы культурно-духовного порядка, культурной безопасности, которые, на наш взгляд, заслуживают не меньшего внимания, чем экономика и экономически выгодные нововведения. Следует отметить, что инновационная деятельность культурно-досуговых учреждений является «комплексной силой, источником социально-культурных трансформаций и выходит далеко за пределы чисто экономических интересов, причин, потребностей и следствий. Провозглашаемый в России курс на инновации имеет в целом очерченную технико-технологическую и финансово-экономическую стратегию, но недостаточно учитывает долгосрочные социально-культурные последствия тех или иных управленческих решений, инновационных проектов, инновационной активности»³.

Сама культура общества развивается за счёт тех или иных нововведений в результате внедрения и распространения новых идей, ценностей, принципов деятельности, норм поведения, технологий,

¹ Лебедева Н. М., Ясин Е. Г. Культура и инновации: к постановке проблемы. — Форсайт [Электронный ресурс]. — 2009. — № 2 (10). — Режим доступа: <http://www.hse.ru/data/2010/12/31/1208181644/yassin.pdf> — С. 16.

² См. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия М. : ЭКСМО, 2008. 864 с.

³ Минералов В. Ю. Инновационная активность и культура в системе современных общественных отношений // ПОИСК. — 2010. — Вып. 5 (29). — С. 33.

услуг и т. п. При этом одним из проводников инноваций в общество, катализаторов инновационных процессов, изменений, модернизации является культурно-досуговая сфера, которая, в свою очередь, также развивается за счёт усовершенствований, рационализации и нововведений.

Для полноты понимания сути культурных инноваций обратимся к данным исследования «Образ российской культуры в сознании москвичей», проведённого Московским институтом социально-культурных программ в 2010 году. Респондентам был задан ряд вопросов, целью которых было выявление понимания сущности и роли новаторства в деятельности культурно-досуговых учреждений города Москвы.

Отвечая на вопрос «Знакомо ли Вам понятие “культурное новаторство”?», 47,8% опрошенных выбрали ответ «Да», но при этом 32,1% ответили отрицательно. Вероятно, к выбравшим ответ «Нет» относятся прежде всего те, кто мало интересуется культурой и редко посещает культурно-досуговые учреждения.

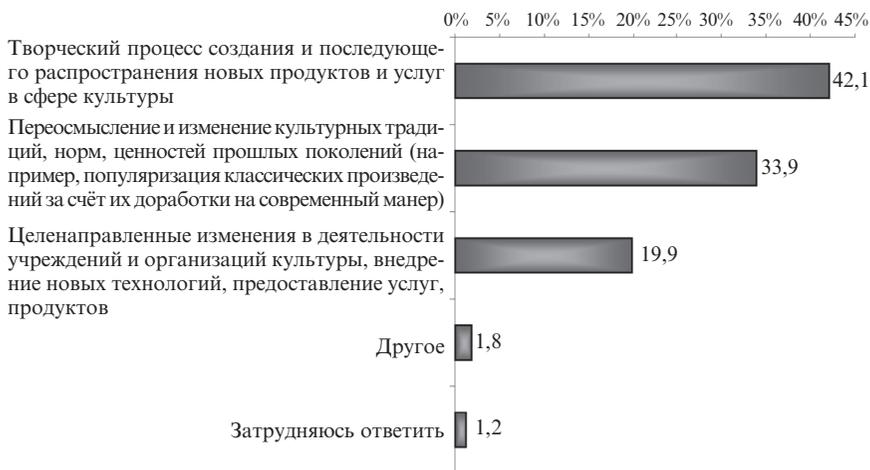
«Культурное новаторство» является многогранным понятием, но чаще всего оно отождествляется с изменениями в области художественного искусства, творчества, культурно-досуговой деятельности. Ответы респондентов на вопрос «По Вашему мнению, культурное новаторство — это» распределились следующим образом: 42,1% опрошенных считают, что культурное новаторство — творческий процесс создания и последующего распространения новых продуктов и услуг в сфере культуры. То есть в сознании многих респондентов названное явление справедливо ассоциируется с разнообразным художественным творчеством и искусством, результаты которого, обретая признание специалистов и «потребителей», становятся инновацией. 33,9% респондентов уверены, что культурное новаторство выражается в переосмыслении и изменении культурных традиций, норм, ценностей прошлых поколений. Это более утилитарное понимание новаторства также оказалось весьма популярно. Для современной отечественной культуры и искусства характерно кризисное состояние, некоторый творческий застой, когда какие-то качественно новые продукты культуры и искусства, ярко выраженные проявления таланта, творчества появляются крайне редко, практически отсутствуют. Напротив, незначительные видоизменения и усовершенствования, переосмысление ранее созданных произведений, традиций, правил и норм активно производятся и преподносятся с помощью рекламы и PR как нечто незаурядное и новое. Для

большинства людей, не являющихся специалистами-профессионалами в области культуры и искусства, многие «новые» произведения представляются воплощением высочайшего творчества и искусства, что гарантирует общественное признание и высокую прибыль. Таким образом, в общественном сознании поддерживается и укрепляется образ «культурного новаторства» прежде всего как изменение традиций, норм, ценностей, ранее созданных продуктов и услуг культуры.

Менее всего (19,9% респондентов) участники опроса связывают культурное новаторство с целенаправленными изменениями в деятельности учреждений и организаций культуры, внедрением новых технологий, предоставлением услуг, продуктов.

Диаграмма 1

«По Вашему мнению, культурное новаторство — это»:

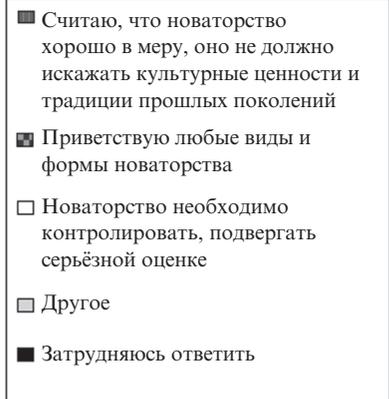
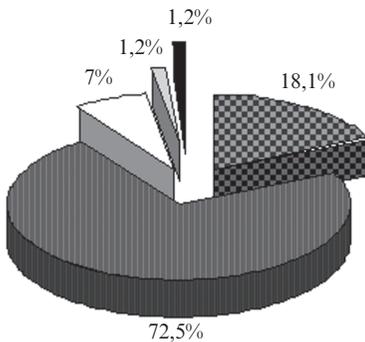
Выражая своё отношение к культурному новаторству, экспериментированию, подавляющее большинство респондентов (72,5%) проявляют сознательное и ответственное отношение, к этому вопросу указывая на то, что новаторство хорошо в меру, оно не должно искажать культурные ценности и традиции прошлых поколений. Новаторство, осуществляемое в интересах общества, должно быть нацелено на производство чего-то качественно нового и лучшего, а не на разрушение и искажение исторически признанных культурных ценностей.

Среди важных задач культурной деятельности — воспитание в людях лучших человеческих качеств; стимулирование развития творческих способностей, креативности, интеллекта; раскрытие талантов; формирование широкого кругозора и гибкости мышления, знаний о лучших культурных традициях, ценностях и нормах разных исторических периодов, произведениях искусства.

Лишь 18,1% респондентов заявили, что приветствуют любые виды и формы новаторства. А 7% склоняются к противоположной позиции, указывая, что новаторство необходимо контролировать, подвергать серьёзной оценке. По поводу последнего следует заметить, что жёсткий контроль как в общественных отношениях, так и в культурной деятельности, с одной стороны, поддерживает порядок, сохраняет ценные с точки зрения субъектов управления и контроля традиции, правила и нормы, но, с другой стороны, приводит сначала к застою, а потом и к деградации общества и культуры.

Диаграмма 2

«Как Вы относитесь к культурному новаторству, экспериментированию?»

Вопросы, связанные с развитием инноваций в культурно-досуговых учреждениях в условиях современного мегаполиса, приобретают всё большую актуальность в связи со снижением интереса граждан к всестороннему культурному просвещению и образованию, недостаточной эффективностью воспитательно-просветительских

методик, подходов, программ и мероприятий. Следует также учитывать ускорение темпов появления различных инородных веяний в российской культуре, не только чуждых русскому менталитету, но и неблагоприятно влияющих на духовность москвичей, особенно молодых.

Ситуация в современном обществе такова, что взамен традиционному разнообразию сознательно и неосознанно предлагается и внедряется стандартизированная глобальная массовая культура, вбирающая в себя наиболее отрицательные национальные особенности и подавляющая положительные.

В современном мире есть большая беда — это оторванность от корней. «Люди блуждают, носимые ветром судьбы, как блёклые листья, нигде не зацепляясь, ни с чем не срастаясь, нигде не оставаясь верными — как внешне, так и внутренне. В социальном смысле их называют пролетаризированными; в культурно-политической сфере — не имеющими родины; в религиозном отношении — неверующими. Не единого ли это явление происхождения»¹? Оторванность от корней — это первый шаг к отчуждению личности от культуры. «Наша цивилизация становится бесформенной и дряблой, потому что она потеряла корни и не имеет более жизненного ритма и равновесия»².

Продолжаются попытки внедрить на смену воспитания и образования, нацеленного на формирование широкого кругозора, гармонично развитой личности, создания условий для всесторонней самореализации людей, новые формы воспитания и образования, ориентированные на производство лишь «полезных» с точки зрения политической и экономической элиты человеческих ресурсов.

Эти проблемы накладывают отпечаток на качество, эффективность, цели и методы управления культурно-досуговой сферой, в частности инновационной деятельностью. Сама культурно-досуговая сфера, будучи включена в социальную систему, зависит от состояния культуры общества, знаний, психологических установок, распространённых в социуме морально-нравственных норм, ценностей. Развитие культурно-досуговой сферы должно быть направлено управленческой волей субъектов государственного управления на создание новых возможностей, условий для воспитания и всестороннего раскрытия духовного потенциала людей.

¹ Ильин Иван. Книга раздумий и тихих созерцаний. / Гл. ред. Ю. И. Семенов. М. : Альта-Принт, 2005. С. 110.

² Доусон К. Прогресс и религия / Пер. с англ. Брюссель : Жизнь с Богом, 1991. С. 57.

В этой связи вопрос управления инновациями и их внедрением в сферу культурно-досуговой деятельности является крайне актуальным. «Лучший метод управления в культуре — не прямой, а опосредованный, через создание необходимых социально-экономических и политических условий для самораскрытия сущностных сил человека»¹.

Управление в культурно-досуговой сфере должно включать прежде всего ясное определение целей и задач организации, выявление потребностей тех или иных категорий и групп граждан в культурных нововведениях, продуктах и услугах. Также важна взвешенная оценка ресурсов, как материальных, так и информационных, технологической подготовленности и оснащённости учреждений и, конечно, выработка единой системы критериев оценки качества инноваций и результатов их внедрения.

Основными целями инноваций в культурно-досуговой сфере, будь то новые способы подачи материала, усовершенствование технического оборудования и т. д., должны быть прежде всего просвещение, развитие духовного начала детей и молодёжи, а также обеспечение их информационно-культурной безопасности.

История России в XX веке была перенасыщена войнами, революциями, социальными и природными катаклизмами. Стремительные изменения в социально-экономических укладах привели к агрессивным формам столкновения разных культур. Проходившее с конца XIX века в несколько этапов переселение огромных масс народа из деревни в город означало не просто смену места жительства, а переход миллионов людей из одной сложной системы культуры в другую. В результате оказался обеднённым духовный мир как городского, так и сельского населения. Всё это усугубилось особенностями общего развития культуры с начала XX века, преобладанием технократического типа мышления над гуманистическим. Достижения научно-технической революции зачастую были не только вне поля духовных ценностей, но даже порой становились агрессивными по отношению к человеку.² Святейший Патриарх Кирилл говорит: «Все

¹ Карпухин О. И, Макаревич Э. Ф. Культурная политика: политика влияния на массы. Культура народа и культура масс. — НИТ [Электронный ресурс] — 2009, № 4. — Режим доступа: http://www.tuva.asia/journal/issue_4/907-karpuhin-makarevich.html — С. 43.

² Там же. С. 33.

известно, что само понятие культуры восходит, с одной стороны, к идее возделывания, а с другой — к понятию культа, то есть богослужения. Это отражает изначальную мотивацию: трудиться, обрабатывая и возделывая во имя возрастания и развития, во имя усовершенствования жизни. То есть культивировать и тем самым воздавать хвалу Творцу всяческих и жизни Подателю. Таковы двойная этимология и семантика понятия культуры. Поэтому вполне будет отвечать этому определению только такая культура, которая содействует задаче внутреннего развития человека, его духовному возрастанию и преобразению, которыми в человеческой природе прославляется образ Божий. Если же так называемая культура содействует раскрепощению и торжеству тёмных инстинктивных начал, которые Ницше определил как «дионисийские», то мы имеем дело с воинствующей антикультурой»¹.

Как не потерять настоящего человека в погоне за его исключительным инновационным потенциалом и не превратить его в средство вместо цели, признавая независимое и абсолютное достоинство и ценность личности, «не индивида как фрагмента человечества, а именно личности, которая может творчески соотносится с другими личностями, не теряя ничего и вместе с тем давая всё»²?

На наш взгляд, это главный вопрос управления инновационными процессами в сфере культуры, которая должна возрождать человечность, но в современных условиях, как мы видим, порой, наоборот, препятствует этому, отчуждая индивидов от истинной культуры.

Подводя итог рассуждениям, приведём основные, на наш взгляд, направления деятельности, в рамках которых должна разрабатываться единая инновационная политика культурно-досуговых учреждений:

1. Развитие инновационного мышления персонала и потребителей, такого мышления, которое готово не только принимать, оценивать, но и творчески производить инновации.

2. Качественное совершенствование форм работы, которые могли бы соединять методы, устоявшиеся веками с новаторскими идеями. Признание понимания нового как усовершенствованного старого.

¹ Родник духовный. Современные пастыри и мыслители о вечных проблемах. М. : Даниловский благовестник, 2010. С. 201.

² Сурожский А. О встрече. 2-е изд. Серия «Православие сегодня». Клин : Фонд «Христианская жизнь», 2003. С. 66.

3. Проведение обязательной апробации новых форм работы с разными категориями граждан и анализ результатов на основе единой критериальной оценки.

4. Разработка таких форм деятельности культурно-досуговых учреждений, которые будут готовить людей к инновациям, при этом учитывать то, что человек является целью, а не средством.

5. Создание таких социально-психологических и материально-технических условий, которые будут повышать мотивацию сотрудников и потребителей к развитию своего инновационного мышления. Вместе с тем введение в деятельность культурно-досуговых учреждений систем поощрения, систем наставничества для совершенствования не только форм работы, но и морально-духовного уровня самих руководителей и педагогов.

Библиография

1. Доусон К. Прогресс и религия / Пер. с англ. Брюссель, 1991. 226 с.
2. Ильин Иван. Книга раздумий и тихих созерцаний / Гл. ред. Ю. И. Семенец. М., 2005. 527 с.
3. Карпухин О. И, Макаревич Э. Ф. Культурная политика: политика влияния на массы. Культура народа и культура масс. — НИТ [Электронный ресурс] — 2009, № 4. — Режим доступа: http://www.tuva.asia/journal/issue_4/907-karpuhin-makarevich.html — С. 26–43.
4. Лебедева Н. М., Ясин Е. Г. Культура и инновации: к постановке проблемы. — Форсайт [Электронный ресурс] — 2009, № 2 (10). — Режим доступа: <http://www.hse.ru/data/2010/12/31/1208181644/yassin.pdf> — С. 16–26.
5. Минералов В. Ю. Инновационная активность и культура в системе современных общественных отношений // ПОИСК. — 2010. — Вып. 5 (29).
6. Новаторов В. Е. Современные технологии культурно-досуговой деятельности: состояние, проблемы, перспективы развития // Вестник Омского университета. — 1999. — Выпуск 3. — С. 109–114.
7. Родник духовный. Современные пастыри и мыслители о вечных проблемах. М., 2010. 592 с.
8. Статистика науки и инноваций: Краткий терминологический словарь / Под ред. Л. М. Гохберга. М., 1996. 483 с.
9. Сурожский А. О встрече. 2-е изд. Клин, 2003.
10. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М., 2008.
11. Ясин Е. Г. Модернизация и общество. — Вопросы экономики [Электронный ресурс]. — 2007. — № 5. — Режим доступа: <http://www.vopreco.ru/rus/redaction.files/5.pdf> — С. 4–29.

КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ

ИЮНЬ

15 июня 2011 г.

Всероссийская научная конференция «Социально-гуманитарные проблемы современной науки и пути их решения» — Россия, Челябинск.

Организаторы: Центр научного содействия апробации и внедрению инновационных проектов.

Контактная информация: Тел.: +79642448850; +79048126371.

Эл. почта: konferencia@list.ru

22–25 июня 2011 г.

7-я Международная научная конференция по востоковедению (Торчиновские чтения) — Россия, Санкт-Петербург.

Организаторы: Санкт-Петербургский государственный университет, Институт восточных рукописей РАН. Философский факультет СПбГУ, Кафедра философии и культурологии востока, Санкт-Петербургское философское общество.

Контактная информация: 199034 г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, ауд. 17 (кафедра философии и культурологии Востока). Тел. (812) 328-94-21 (добавочный 1852).

Эл. почта: torchinovcon@gmail.com

25–26 июня 2011 г.

10-я Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы экономики, социологии и права» — Россия, Пятигорск.

Организаторы: Международная академия финансовых технологий.

Контактная информация: г. Пятигорск, ул. Красная, 7. Тел.(8793)39-31-85, 39-31-84, (8928) 362-30-95, (8961) 4444-095, тел.:/факс. (8793) 39-31-85, 33-93-18.

Эл. почта: ano-maft@yandex.ru

ИЮЛЬ

2 июля 2011 г.

II Международная научно-практическая конференция «Интеллектуальный потенциал молодых учёных России и зарубежья» — Россия, Москва.

Организаторы: Крупнейшее научное издательство «Спутник +» (г. Москва) и редакции журналов «Вопросы гуманитарных наук» и «Естественные и технические науки» (входит в перечень ВАК).

Контактная информация: 109428, г. Москва, Рязанский проспект, д. 8а. Издательство «Спутник +». Тел.: 8 (495) 730-47-74, 778-45-60. E-mail: sputnikplus2000@mail.ru

Эл. почта: sputnikplus2000@mail.ru

4 июля 2011 г.

Международная заочная научно-практическая конференция «Общественные науки в современном мире: социология, политология, философия, история» – Россия, Новосибирск.

Организаторы: НП «Сибирская ассоциация консультантов».

Контактная информация: 630082, г. Новосибирск, ул. Дачная, 21/1, к. 6, тел.: 8 (383) 2-913-800; 8-913-915-38-00 — Степанов Игорь Сергеевич, председатель оргкомитета.

Эл. почта: politkonf@sibac.info

8 июля 2011 г.

XIX Международная научно-практическая конференция «Система ценностей современного общества» — Россия, Новосибирск.

Организаторы: Центр развития научного сотрудничества (г. Новосибирск).

Контактная информация: тел.: 8-383-291-79-01 – Чернов Сергей Сергеевич, руководитель ЦРНС, 8-913-749-05-30 – Хвостенко Павел Викторович, ведущий специалист ЦРНС.

Эл. почта: monography@ngs.ru

11 июля 2011 г.

II Международная научная заочная конференция «Вопросы научного образования и исследований по гуманитарным, социальным и психологическим специальностям» — Россия, Москва.

Организаторы: Издательство ИНГН.

Контактная информация: тел.: 8 (495) 517-87-65.

Эл. почта: konf-gsp@ingn.ru

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на монографию
А. Л. Маршака, И. М. Куваковой, Г. А. Соседова
**«Система образования в условиях модернизации
современного российского общества:
проблемы социальной многомерности»**
(М. : Издательский дом «Спектр», 2010. 288 с.)

Общество стремится к совершенству, образование — это средство достижения этой цели. Образование выступает инструментом, позволяющим отдельному человеку войти подготовленным и конкурентоспособным в мир взрослой жизни, а обществу в целом стать лучше, совершеннее. Поэтому, как и любой инструмент, образование требует модернизации, совершенствования. Возможно, поэтому тема совершенствования образовательного процесса постоянно актуальна и представляет интерес для российских исследователей. Современный всплеск исследовательской активности в этой сфере связан с адаптацией отечественной системы образования к требованиям Болонского процесса и мировым стандартам. В связи с этим представляется своевременным выход монографии «Система образования в условиях модернизации современного российского общества: проблемы социальной многомерности» (А. Л. Маршак, И. М. Кувакова, Г. А. Соседов), которая обобщает многолетний опыт теоретического и эмпирического исследования в проблемном поле модернизации российского образования.

Специфика рецензируемой монографии заключается в том, что коллектив её авторов исходит из феномена социальной многомерности, позволяющего более широко взглянуть на проблему модернизации российской системы образования. Нужно отметить, что книга полна аналитических отступлений, исторических экскурсов и комментариев по поводу текущих, ретроспективных и перспективных тенденций в российской системе образования. Это логическое кружево и привлекает читателя. По ходу изложения материала авторы лаконично и легко переключаются с любого уровня теоретизации на фактологический материал и обратно. Это делает текст мо-

нографии насыщенным, динамичным, а книга увлекает, с какой бы страницы её ни открыть. Совершенно оправданным нужно считать сделанное данным коллективом авторов позиционирование монографии в среде читательской аудитории: книга ориентирована на подготовленного читателя (как и оговаривается авторами, «предназначена для научных работников, преподавателей, аспирантов»). Это обусловлено тем, что прегnantная форма изложения заставляет читателя находиться в состоянии интеллектуального напряжения и требует от него определённый теоретико-методологический базис знаний по широкому спектру гуманитарных и социально-экономических направлений.

В работе чётко обозначен прикладной аспект, связанный со спецификой внедрения методики Болонского процесса в программу образовательного учреждения современной России. В связи с этим А. Л. Маршак, И. М. Кувакова и Г. А. Соседов отслеживают историческую динамику роли, места и значения феномена образования. Особый акцент делается на проблемах модернизации высшей школы. В частности, приводятся данные социологических опросов, характеризующих тенденции профессионального управления с позиций экспертов, преподавателей и студентов ГОУ ВПО ТГТУ. В этой связи авторы приходят к выводу, что студенты «за благо считают обучение “под конкретное рабочее место” (что содержится в концептуальных подходах Болонского процесса)». Однако данное утверждение диссонирует с позицией авторов, которые утверждают, что «фундаментальность же образования, его потенциал как опережающего образования заложен в теоретических компонентах образовательного процесса». Таким образом, российский потребитель образовательных услуг готов к реализации методологии Болонского процесса, однако авторы не считают этот процесс панацеей от проблем в сфере образования, смотрят на сложившуюся ситуацию шире. Образование рассматривается как процесс, как институт и как общественное явление, также проводятся параллели формирования системы образования со становлением философской, экономической и социологической науки. Исследователей больше всего интересует многомерность, полипарадигмальность и комплексность феномена образования. В данной монографии А. Л. Маршак, И. М. Кувакова, Г. А. Соседов показывают, что образовательный институт активно влияет на жизнь общества, переплетается с другими

сферами жизни и находится в амбивалентной зависимости от состояния социума (социальной системы). В связи с этим в монографии рассматривается достаточно широкий круг вопросов. В частности, сквозь призму образовательного процесса авторами исследовалась способность современной социальной системы расширять и применять потенциал активности человеческого ресурса, рассматривались различные проблемы эффективного управления профессиональным образованием высшей школы в рамках концепции модернизационных процессов российского государства.

Возможно, взыскательный читатель найдёт в монографии некоторые недостатки, однако структурная целостность, внутренняя гармоничность подачи текста работы, хороший язык и эрудированность свидетельствуют о том, что перед нами глубокое нетривиальное монографическое исследование, демонстрирующее теоретические и прикладные аспекты неоднозначных последствий современной модернизации российской системы образования. Коллектив авторов этого, безусловно, интересного издания продемонстрировал читателю широкий кругозор, исследовательскую смелость и методологическую грамотность. Своей работой «Система образования в условиях модернизации современного российского общества: проблемы социальной многомерности» они приглашают читателя к дальнейшей дискуссии на актуальнейшую тему, определяющую будущее нашей страны. Можно пожелать данному коллективу авторов дальнейших творческих успехов и реализации намеченных целей.

*А. В. Рачипа,
доктор социологических наук, доцент*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Направляемые в журнал статьи просим оформлять в соответствии со следующими правилами:

1. **Объём рукописи не должен превышать 10—12 стр.** Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 14, межстрочный интервал — полуторный. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм сверху и слева, 20 мм внизу и справа. Статьи должны быть напечатаны на одной стороне листа. Сноски — постраничные со своей нумерацией на каждой странице.

2. Все **знаки**, которые не могут быть напечатаны, должны быть разборчиво, крупно, чёрными чернилами вписаны в текст от руки.

3. **Формулы** размечаются и поясняются на полях рукописи. Все источники снабжаются библиографическими ссылками.

4. **Таблицы, схемы, графики, рисунки и другие иллюстрации** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. При этом таблицы должны иметь заголовок, размещаемый над табличным полем, а рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.

5. Пронумерованный **список библиографии не должен превышать 1 стр.** (в алфавитном порядке, с указанием сначала источников на русском языке, далее — на иностранном), он даётся **в конце статьи**.

6. К статье прилагается её **электронная версия в виде дискеты** или **диска**.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, статистических и социологических данных, имён собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения учредителя, редколлегии и редакции. Все материалы публикуются в авторской редакции.

Представляя в редакцию рукопись, автор берёт на себя обязательство не публиковать её ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи статей только с рецензией специалиста соответствующей квалификации (кандидата или доктора наук). С порядком рецензирования можно ознакомиться на сайте журнала.

К статье **обязательно** прилагаются:

— **аннотация** (резюме) объёмом 15—20 строк на русском и английском языках;

— **список 3—4 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово либо словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;

— **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф. И. О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, учёная степень, а также **данные для связи с автором** — адрес, номера телефонов (служ., дом., моб.), электронный адрес.

По электронной почте статьи принимаются только по договорённости с редакцией (обязательно в заархивированном виде). Материалы по почте просьба присылать исключительно в виде простых почтовых отправлений.

Решение о публикации выносится в течение 2 месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются.

С содержанием вышедших номеров и отдельными публикациями можно ознакомиться на сайте журнала в Интернете: <http://www.poisk.miskp.ru>
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

**П.О.И.С.К.: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология.
Культура**

Научный и социокультурный журнал
Выпуск № 3 (32), май — июнь 2011 г.

Перевод на англ. яз. О. Н. Мамонова

Лит. редактор Л. Г. Королёва

Оригинал-макет О. И. Комиссарова

Учредитель

Государственное научно-исследовательское учреждение города Москвы
«Московский институт социально-культурных программ»
127018, г. Москва, Октябрьский пер., д. 8, стр. 2.

Издатель

Государственное научно-исследовательское учреждение города Москвы
«Московский институт социально-культурных программ»
127018, г. Москва, Октябрьский пер., д. 8, стр. 2.

Издание зарегистрировано

Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного
наследия по Центральному федеральному округу. Свидетельство о
регистрации ПИ № ФС1-01933 от 6 октября 2005 г.

Индекс по каталогу ООО «Агентство «Роспечать»: 36938.

Цена свободная.

Адрес редакции

125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1/12, стр. 2.

Проезд: ст. м. «Арбатская».

Телефон: 8 (495) 691-69-14, 8 (495) 927-01-98 (доб. 124).

Факс: 8 (495) 681-17-53.

E-mail: redactor@miskp.ru

Сайт в Интернете: <http://www.poisk.miskp.ru>

Распространение

Журнал «ПОИСК» направляется членам Правительства Москвы, депутатам Государственной Думы от Москвы, депутатам Московской городской Думы, центральным органам власти Российской Федерации, представительствам субъектов Федерации в Москве, департаментам, комитетам и управлениям Правительства Москвы, руководителям 125 районов Москвы, учреждениям культурно-досуговой сферы Москвы, подписчикам журнала.

Сдано в набор 20.05.11. Подписано в печать 26.05.11.
Дата выхода в свет 12.06.11.

Формат 60x84/16. Гарнитура «Прагматика».
Тираж 1000 экз. Заказ № 206
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,5

НИЦ «Академика»
127254, Москва, ул. Гончарова, 15

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО «Множительный центр»
Московская обл., г. Воскресенск, ул. Заводская, 1